

ПОСЛЕ ЗАВТРА
БЫЛО ЛУЧШЕ,
ЧЕМ ВЧЕРА

18+

АННА Ш.

Анна Ш.
**Послезавтра было
лучше, чем вчера**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69472000

SelfPub; 2024

Аннотация

Незадолго до дефолта целеустремленный и способный, но немного закомплексованный 18-летний Андрей, пытаясь избавиться от травм детства, переезжает в Париж. Там он выучивается на арабиста и быстро находит работу в крупной компании, но привычный уклад жизни нарушается, когда США вторгаются в Ирак. Поддавшись эмоциям и желая разобраться в ситуации, Андрей устраивается переводчиком в СМИ и улетает в Багдад, а в Париже его остается ждать безответно влюбленная в него Жанна, которую он считает только другом. Это роман о френдзоне, поиске любви, ближневосточных войнах, предательстве и нравственном выборе, который особенно сложен, когда речь идет о жизни и смерти не только тебя самого, но и тех, кто тебе дорог.

Содержание

ПАРИЖ. СЕНТЯБРЬ 1998	4
ПАРИЖ. 2003	17
ИРАК. 2003	36
ПАРИЖ. 2003 – 2004	40
ПАРИЖ. 2009	51
В ЧЕРТОГАХ ДЬЯВОЛА. 2014	62
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Анна Ш.

Послезавтра было лучше, чем вчера

ПАРИЖ. СЕНТЯБРЬ 1998

Больше не надеясь на внезапное озарение или яркую вывеску, которая тотчас бросится в глаза всем страждущим и обездоленным, Андрей – блондин невысокого роста, одетый в недешевые джинсы известного американского бренда, идеально чистые кожаные кроссовки с узнаваемым логотипом и толстовку – возвращается к автобусной остановке, на которой стоит только одна девушка. Собравшись с мыслями, он спрашивает у нее дорогу, назвав адрес бесплатной столовой для нуждающихся. Насколько юноша понимает, она притаилась где-то метрах в 800 от Лионского вокзала, но заведение он так и не нашел. Сразу не сориентировавшись, девушка уточняет, что там находится. Раскрывать карты не хочется, но, заметив его смущение и вспомнив, как волонтерила там, она дружелюбно отмечает, что у всех бывают трудные дни и объясняет, как туда дойти.

Удивившись ее проницательности, парень теперь не старается контролировать себя и дает волю потоку сознания,

сбивчиво и не совсем к месту поясняя, что он из России, где даже государство много лет не могло научиться грамотному планированию, а он всего лишь недавно съехавший от родителей тинейджер, который сдуру потратил все деньги на одежду и теперь до зарплаты ему слегка нечего есть, но в отличие от партии, он уже сделал вывод из этой истории.

Внимательно выслушав его, Жанна спрашивает:

– С детства здесь живете?

– Нет, с августа.

– Серьезно? У Вас потрясающий французский, – не кривя душой, отмечает она.

– Спасибо, мне все это говорят.

– Нет, это просто невероятно! Даже когда Вы нервничаете, то говорите без акцента. Никогда такого не встречала.

– Именно это мне всегда и говорят, – честно признается Андрей, не боясь показаться бестактным, уличив ее в неоригинальности.

К чему фальш, если его французский не хвалил еще разве что Жак Ширак?

– У Вас очень красивые глаза. Это Вам тоже все время говорят? – Жанна заигрывающе улыбается, и сердце Андрея начинает бешено колотиться.

– Нет, спасибо. У Вас очень приятные духи, – выпаливает он первое, что приходит на ум и представляется не слишком вульгарным.

Начинает крапать дождь, и Жанна, раскрывая зонт над

обоими, предлагает молодому человеку проводить его. Он говорит, что запомнил дорогу, но она настаивает, видя, что у него нет главного аксессуара осени. Они идут в сторону станции метро Берси, минуют одноименный парк, состоящий из трех садов, близко прижавшись друг к другу, и Андрей слышит ее дыхание. Непогода берет паузу. Парень достает плеер, вставляет в ухо один наушник и протягивает Жанне другой. Включает музыку, которую сам любит. Вроде бы не очень отстойная или старомодная – такую даже на MTV крутят. Девушка не морщится. Видимо, сойдет. От сердца чуть отлегает. Теперь они чем-то заняты.

Андрей надеется, что можно будет избежать пустых разговоров ни о чем. Она не спросит, что он уже видел в Париже, что ему понравилось, а что нет, потому что в городе он лицезрел только аэропорт, небольшие бутики, ТРЦ, университет, общежитие, банк и мельком Елисейские Поля, Эйфелеву башню и Триумфальную арку. Ему нравится архитектура города, но на посещение музеев не хватает времени. В одиннадцать лет он прилетал сюда туристом, но те воспоминания наполовину стерлись из памяти. И в любом случае нельзя разглагольствовать о том, что по душе, а что не очень, ему теперь здесь жить и точка. Даже если что-то не устраивает, придется полюбить. Пути назад нет.

Он верит, что она не спросит, чем он занимается, потому что на это ответить совсем уж нечего. Он до сих пор не запомнил, как пишутся все арабские буквы, и с трудом сможет

что-то продемонстрировать на изучаемом языке. Разве что отдельные слова, но вряд ли это произведет на нее впечатление. А вдруг она сама в совершенстве владеет арабским? Тогда она наверняка уличит его в ошибках, и у него будет совсем бледный вид. Кроме того, он ни черта не понимает в философии, и из всех величайших мыслителей прошлого более-менее занятно, по его мнению, изъясняется только Макиавелли. Даже Аристотель и Руссо оказались не такими классными, как он думал. О Платоне и говорить излишне. Он пробовал читать их на русском, думал, пойдет быстрее, но – шах и мат. Дело не в языковом барьере, он просто тупой. Непонятно, за какие заслуги ему дали грант. Он окончил один из самых сильных лицеев в России, но часто считает себя глупым. Особенно в области философии, с ней прям беда. В школе они ее только немного касались. Он никогда не был ленивым раздолбаем, просто руки до всего не доходили. Он же тоже не железный.

Юноша молится всем Богам, лишь бы она не спросила, как Россия. Тут без комментариев: вскоре после его отъезда случился дефолт. Выживают как-то.

Они минуют очередной перекресток и, осмотревшись, парень неуверенно предполагает, что они идут не туда. За дорогой Андрей не следил, поэтому с трудом осознает, куда они пришли. Понимает только, что они по-прежнему находятся на правом берегу Сены. Заведение, в которое его должны были привести, расположилось там же, но идти надо бы-

ло в сторону больницы Святого Антуана, а они, как теперь выясняется, шагали в противоположном направлении, ведь умудрились оставить позади уже даже Музей ярмарочного искусства.

– Тебе не место в столовой для нуждающихся. Я была там один раз волонтером: огромные очереди и невкусная еда, – ласково поясняет она, останавливаясь у многоэтажного дома и предлагая зайти внутрь.

Еще можно ретироваться, тем более она внаглую нарушает его границы. Под обманным предлогом притащила к себе домой. С другой стороны, Земля не перестанет вращаться вокруг Солнца, если он в кои-то веки зайдет к кому-то в гости. Заметив его сомнения, она извиняется и обещает проводить его в ту столовую. Говорит, что теперь честно не обманет, но Андрей открывает дверь.

Поднявшись в квартиру, он потерянно останавливается.

– Проходи. Ты очень милый и непосредственный. Не бойся, мы просто поужинаем, – говорит Жанна.

Вымыв руки, парень смущенно размещается за обеденным столом, стоящим у стены, и, стараясь не выглядеть любопытным, беглым взглядом осматривает помещение. Практически по всему периметру стоит кремово-коричневый гарнитур, в который встроена мойка, посудомоечная машина и микроволновая печь. Помимо холодильника, кофемашины и газовой плиты парень замечает еще какую-то технику, но о ее предназначении может только догадываться. Над столом

висит картина грота, выточенного в золотистых скалах, обрамляющих побережье и немного море с прозрачной водой.

Положив Андрею и себе тартар из говядины с несильно обжаренной картошкой фри и овощной салат, Жанна садится напротив.

Поблагодарив и сильно волнуясь, он спрашивает:

– Ты всех нищих... и закомплексованных мигрантов приглашаешь к себе домой и угощаешь ужином?

– Ты не мигрант, и очень классный.

– С каких пор слово «мигрант» стало оскорблением?

– Ты первым использовал его в этом значении.

Ее лицо озаряет легкая улыбка, и она смотрит на него так, будто он побережье теплого моря с белоснежным песком. Он осознает, что ему не показалось. С гораздо большим облегчением он бы принял, что она обычная хиппи, считающая своим долгом накормить и обогреть всех угнетенных – это традиция у определенных слоев западных миллениалов.

– Кажется, я понял. Я тебе понравился?

– А ты догадливый.

– Не понимаю, как это могло произойти. Чтобы парень понравился девушке, надо производить на нее впечатление, а не спрашивать, как пройти в столовую. И не просто в столовую, а в столовую для нищих.

– Нуждающихся, – поправляет Жанна, начиная с аппетитом есть. – Когда парни производят впечатление, это часто выглядит ужасно наигранно и вместо симпатии вызывает

только отвращение. В лучшем случае равнодушие.

– Мне лучше уйти. Я никогда ни с кем не встречался и вообще я учусь... Мне некогда ходить на свидания, – сильно нервничая, говорит Андрей, и его лоб покрывается испариной.

– Будем тогда друзьями. Ты все равно не в моем вкусе, не переживай, – отвечает Жанна, сочтя, что так ему будет комфортнее.

– Ты только что сказала, что я тебе нравлюсь.

– Нравишься, но нет... Прости, но ты не мой типаж.

На свое пятилетие Жанна пригласила четырех европейских девочек и одного алжирца. В подготовительном классе она подружилась с сыном нигерийских беженцев, и тогда еще, к удивлению родителей, заявила, что в 18 лет они поженятся. Дети безобидно резвились до окончания начальной школы, пока семья ее суженого не уехала. Девочка страдала несколько месяцев, а затем нашла нового возлюбленного – марокканца.

Но в глазах Андрея – бездонно голубых – можно утонуть, а его французский, возможно, кажется ей таким идеальным еще и потому, что тембр завораживает. Раньше она никогда не влюблялась в голос.

– Я тоже не твой типаж? Какие девушки тебе нравятся? – интересуется Жанна.

– Я никогда об этом не задумывался.

Она предлагает ему поесть и подумать об этом прямо сей-

час. Андрей, наконец, приступает к ужину. Жанна желает приятного аппетита, и он запоздало отвечает ей тем же.

Ее густые и слегка вьющиеся после дождя волосы длиной до лопаток аккуратно обрамляют лицо. Глаза подведены, а ресницы накрашены тушью, но на щеках, скулах, лбу и подбородке нет следов штукатурки, и ее нежная светлая кожа без изъянов – малюсенькая родинка с правой стороны под носом не в счет – кажется парню девственно свежей и естественной. Ногти покрыты розовым лаком, а на среднем пальце левой руки – изящное золотое кольцо с фианитом.

Фигура шатенки чуть больше, чем хотелось бы Андрею, напоминает изображения девиц с обложек глянцевого журнала 80-х и 90-х, но однотонный пуловер без глубокого выреза и дружелюбный взгляд еще оставляют надежду на то, что они могут стать парой.

Раздумывая над тем, какие девушки ему нравятся, молодой человек приходит к пугающему выводу: Жанна вполне могла бы стать той самой. Родись он хотя бы в ГДР, которая объединилась с ФРГ и теперь, соответственно, является частью Евросоюза, то можно было бы попробовать с головой окунуться в омут первой любви, не переживая за свой миграционный статус. Но он появился на свет в окрестностях советского Архангельска, во Францию переехал из Москвы, так что живет он здесь по студенческой визе. Он не может допустить отчисления из университета.

И это не единственная дилемма. Он хочет добиться всего

сам, но начини он встречается с французенкой, кто-то обязательно решит, что он делает это ради гражданства. Хотя бы ее родители.

– Что это за картина? – спрашивает парень, чуть расслабившись и посмотрев на изображение пещеры.

Если память ему не изменяет, то это явно что-то не очень известное, а значит, наверное, будет не очень стыдно, если он упадет в грязь лицом.

– Пещера Бенагил, сама написала, – отвечает девушка. – Это в Португалии.

– Очень красиво, – Андрей доедает десерт.

– Хочешь покажу свои остальные работы?

Юноша с энтузиазмом кивает. Они идут в комнату, которая используется девушкой в качестве мастерской. Жанна показывает ему пейзажи и пишет акварелью его портрет.

Выясняется, что обоим по 18. В этом году она окончила лицей и теперь ищет себя, подрабатывая неполный день в благотворительном магазине. В детстве она мечтала стать маринисткой, в раннем отрочестве – карикатуристом, а изучив в школе основы психологии, стала задумываться над карьерой кризисного психолога. Но первые два варианта представляются ей слишком экзотическими и не особо стабильными, а третий плох тем, что цена ошибки слишком велика. Ее подруга Мари советует податься в дизайнеры, но девушка считает, что эта профессия не меняет мир.

Андрей предлагает заняться созданием изображений для

социальной рекламы. Жанне его рекомендация приходится по душе.

Сам он учится на арабиста, планирует работать синхронистом и демонстрирует свое мастерство: практически одно-моментно переводит ее слова на английский, чем приводит девушку в восторг. Он признается, что Жанна ему нравится, но лучше подождать до того момента, когда он сам получит гражданство: должен в 2004. Она думает, что он, правда, еще ни с кем не встречался – наверняка корпел над учебниками все отрочество, чтобы поступить за границу, а потому тормозит, делая вид, что ему важно мнение ее родителей или чье-нибудь еще. Но очень надеется, что ей все-таки не придется ждать так долго.

Молодые люди перемещаются на полутораспальную кровать в ее комнате с чипсами в руках. На стене висит несколько постеров музыкальных групп, на угловом столе – пузатый выключенный компьютер, перед ним лежат блокноты и цветные карандаши. Еще не скованные взрослыми око-вами политкорректности, предрассудками, ненавистью или же пренебрежением к политикам и политике и не боящиеся показаться друг перед другом в чем-то – или пусть даже во всем – дилетантами, они откровенно обсуждают войну в Персидском заливе, переход на евро и муниципальные выборы. Оказывается, что у них одинаковые электоральные предпочтения.

Ей хочется из первых уст больше узнать о том, как Рос-

сия учится демократии и рыночной экономике, и Андрей без особого энтузиазма, но рассказывает ей о шоковой терапии, расстреле Белого дома, дефолте и огромном социальном неравенстве.

Жанна никогда не была в России, но очень хотела бы, тем более что ее зачали в Ленинграде. В детстве она расспрашивала своих родителей о их туристическом визите в Советский Союз, и они рассказывали ей, что поездкой остались не очень довольны. Их раздражало, что надо было ходить в сопровождении гида, будто они какие-то юные скауты или шпионы.

Девушка предлагает на рождественские каникулы вместе слетать в Россию: мол, ты же захочешь повидаться с близкими и заодно покажешь мне страну.

Он молчит, не зная, что сказать. Хорошо же болтали. Он, конечно, не сексист, но девочки реально интересуются политикой реже мальчиков, так что Жанна превзошла все его ожидания. Возможно, впервые в жизни он почувствовал себя по-настоящему счастливым, несмотря на то, что ему завтра на подработку к 9 утра, а в кармане 104 франка.

Он снова словно идет по полю, усеянному противопехотными минами. Одна правда повлечет за собой другую и приведет его в туннель, в котором уже не будет света. Жанна упомянула одну подругу, но у нее – красивой, умной и талантливой – наверняка их гораздо больше. Вдруг она им все расскажет? А те, в свою очередь, еще кому-нибудь, и вот уже

весь Париж будет знать гнусную правду. Он переезжал сюда явно не для этого.

Конечно можно сказать, что он бы с радостью съездил с ней в Россию, но у него мало денег, и он не хочет тратиться. Но это только временное решение проблемы. Если у них все серьезно – а ему очень хочется думать, что у них все серьезно – она напросится туда через год или через пять, но поедут они вместе. Не будет же он всю жизнь притворяться бедным? Он не хочет ни быть им, ни даже казаться.

Собравшись с мыслями, Андрей говорит ей полуправду. Березки растут и здесь, а больше у него там ничего и никого нет. Родители бросили, а друзей отродясь не было. Он рос в физмат интернате для одаренных детей. Всех забирали домой на каникулы, он единственный сирота. Там было неплохо и, возможно, он хотел бы навестить некоторых учителей, но слишком больно возвращаться в Россию. Даже на неделю.

Он больше не может сдерживаться, но терпит из последних сил. Если он начнет поддаваться эмоциям прямо при ней, то она, наверное, пожалеет его, как малыша, который разбил коленку, а после он ее никогда не увидит. Если выйдет из комнаты, она все равно услышит его плач (а если не услышит, то явно обо всем догадается) и результат будет тот же.

Пока он мучительно раздумывает над тем, что делать, слезы уже текут по его лицу и задевают край ее покрывала. С разрешения Жанна обнимает его, советует терапию и гово-

рит, что у него избегание. Это нормально. Бывает не у всех, но ему не за что себя винить. Обещает не ехать в Россию, пока ему не станет легче.

ПАРИЖ. 2003

Вопреки прогнозу дул лютый ветер, солнце появлялось реже, чем следовало, но даже тогда работало только на освещение. На Андрея искоса посмотрела Большая Арка Дефанс, представляющая собой трехмерный куб со сторонами чуть больше 100 метров – самая современная достопримечательность на исторической оси, которая берет начало у Лувра, проходит через сад Тюильри, площадь Согласия, идет вдоль Елисейских Полей и заканчивается в деловом пригороде на западе. Парень сделал шаг назад, всерьез опасаясь, что здание, которое по задумке создателей должно символизировать гуманитарные идеалы, свалится прямо на него. В других небоскребах вокруг звенело стекло, в ушах звучал гул двигателя. Тело молодого человека пробрал нервный озноб. Взмолнованно подняв голову, он увидел в небе над 36-этажным Tour Ariane три самолета, идущих, очевидно, на посадку. Они напоминали обыкновенные гражданские лайнеры, так стремительно снижающие высоту, как будто сейчас потерпят крушение, но их борта были разрисованы в цвета американского флага. Еще мгновение – и весь Дефанс схлопнулся, как карточный домик: на его месте остались только руины и растерзанные тела.

Вскрикнув, Андрей открывает глаза и, усиленно моргая, обводит взглядом просторную комнату, пытаясь удостове-

риться в том, что все это ему только приснилось. Однотонная светлая мебель из небезызвестного шведского магазина, на столе – персональный компьютер с жидкокристаллическим экраном, над комодом висит такой же плоский телевизор. Под ним в рамках разместились фотографии. На одной из них, находящейся в центре, изображен десятилетний Андрей, одетый в качественные импортные джинсы и демисезонную куртку, стоящий на побережье Белого моря. Рядом с мальчиком сидит немецкая овчарка, преданно смотрит ему в глаза, ребенок одной рукой с упоением гладит ее по голове, а другой вытирает бесперебойно льющиеся слезы. На другой фотографии Андрей и Жанна, сидя на португальском побережье Атлантического океана, кормят друг друга фисташковым мороженым, продаваемым на развес.

На календаре безобидный четверг, но на душе почему-то скребут кошки, и парижанин не сразу осознает, что же его так тревожит в это будничное раннее утро. Лишь включив телевизор, он понимает, что не так: Дефанс стоит целый и невредимый, а Ираку повезло меньше. Тщетно стараясь унять зуд, напоминающий, что человек – животное политическое, парень огромным усилием воли выключает телевизор и идет в душ, пытаясь хоть немного успокоиться под струями воды.

В Дефанс, в котором располагался французский офис компании Michelle, Андрей обычно приезжал к 9 утра, перед работой занимаясь в спортзале или плавая в бассейне.

Он устроился туда на стажировку летом 1999 года: думал, что не возьмут, но его приняли после первого же собеседования. В первое время он работал только с русским, английским и французским языками, но в последние несколько лет занимался и арабским. Выносливый и способный синхронно и без пары переводить хоть 8 часов подряд¹ (таких подвигов от него, конечно, никто не требовал), он быстро завоевал уважение руководства и любовь заказчиков, среди которых встречались и организаторы мероприятий на самом высоком уровне.

Сегодня, к счастью, предстоит лишённая смысла рутина: совещание, на котором можно витать в облаках, и подготовка к переговорам, к которым можно и не готовиться, поскольку он и так все знает.

Вечером Андрей встречается в баре с Жанной, облаченной в черное платье длиной чуть выше колена, которое сейчас выглядит зловеще актуальным. Посетители, не скупясь на эмоции и активно жестикулируя, обсуждают события минувшего дня. Молча, словно на похоронах – все понятно и без слов – друзья выпивают пару бокалов белого вина, немного закусывая. Обычно они сохраняют алкогольный паритет, но в этот раз парень заказывает еще текилу и расправляется с ней одним глотком.

Вчера, видимо, Жанна сделала накладные ресницы. В

¹ Обычно синхронисты работают вдвоем-втроем, сменяясь каждые 20-30 минут.

иной ситуации он бы непременно высказал свое мнение на этот счет: тебе не идет и без них было гораздо лучше. Но сегодня такие мелочи кажутся недостойными внимания. Они обязательно обсудят еще это, но потом, когда все вернется в свое русло.

– Я лечу в командировку, – Андрей наконец разбавляет пугающее безмолвие их пары. – В Ирак, – обреченно добавляет он.

Она учащенно моргает, пытаясь переварить услышанное. Андрей объясняет, что сам захотел. Для этого прошел собеседование в Lumière: этому СМИ требовался франко-арабский переводчик. Завтра медкомиссия.

Ничто ведь не предвещало грозы. Точнее, само вторжение случилось не на пустом месте, для тех, кто читал новости, это не было такой уж неожиданностью. Сегодня ночью истек срок 48-часового ультиматума, так что, ложась накануне спать, все могли предположить, что рассвет теперь будет другим: с примесью гари, пронизывающей сердце, даже если ты находишься в тысячах километров от эпицентра событий. Да, Андрей интересуется политикой, но, очевидно, ничто не указывало на то, что он отправится прямо туда. У него же были обычные планы на жизнь: он раздумывал над покупкой квартиры, в глубине души выбирал между ближайшим элитным пригородом и престижным шестым округом, облюбованным интеллигенцией и звездами. Ни на первый, ни на второй вариант все-таки пока не хватало денег, но впереди

была целая жизнь. Еще он грезил получить права на управление яхтой и прыгнуть с парашютом. Что, если этому всему теперь не суждено сбыться?

– То есть ты собираешься увольняться из Michelle из-за опрометчивого решения политиков, которые считают, что Саддам Хусейн имеет отношение к терактам 11 сентября? – широко раскрыв глаза, спрашивает Жанна слегка осипшим от ужаса голосом.

Андрей кивает. Она трогает его лоб: вроде негорячий. Пытаясь напрячь остатки разума, еще не тронутого алкоголем, Жанна выдает аргумент за аргументом: в Michelle у него солидные доходы, он впечатлительный и принимает все близко к сердцу, и, наконец, она не хочет хоронить его в 22 года.

Парень объясняет, что не может поступить по-другому: в этот странный день он отчетливо осознал, что терпеть не может свою нынешнюю работу и его раздражают политики, которые могут часами переливать из пустого в порожнее, так и не приходя ни к какому решению. Он считает вторжение США в Ирак чудовищной ошибкой и хочет внести свой вклад в то, чтобы остановить это безумие.

По щекам Жанны текут слезы, и Андрей, обняв ее, обещает быть предельно осторожным.

– Я люблю тебя. Так, как никого не любила до тебя и, скорее всего, не полюблю после тебя. Можешь позвонить Мари, она подтвердит, что это действительно так. Чтобы ты не думал, что я это все придумываю только для того, чтобы тебя

остановить, – говорит она.

Какое-то время он колеблется, а затем неожиданно для самого себя обещает никуда не лететь, если она действительно хочет этого. Жанна просит, добавив, что можно помогать и здесь. Например, пойти в какую-нибудь благотворительную организацию волонтером-переводчиком, ведь будет много беженцев. Андрей соглашается.

Подруга звонит ему через несколько часов, когда они уже разошлись по домам. Отключив с помощью пульта звук телевизора, парень, лежа на кровати, берет трубку.

– Не спишь? – спрашивает девушка только для того, чтобы потянуть время и оставить себе шанс к отступлению.

– Новости смотрю, – отвечает он. – А ты что делаешь?

– Макияж снимала, – чуть привирает она, пользуясь тем, что он ее не видит.

На самом деле хаотичные остатки косметики все еще зияют на ее заплаканном покрасневшем лице, как молчаливое подтверждение, что ничто на Земле не проходит бесследно.

– Я сказать хотела... – нервно начинает она. – Если хочешь, если ты действительно хочешь этого, если ты считаешь, что действительно принесешь там какую-то пользу, я не буду тебя отговаривать, я не могу обрезать тебе крылья. – Жанна рыдает.

Повисает пауза.

– Не волнуйся, я буду очень аккуратным, клянусь, – как можно более убедительно обещает Андрей. – Может, фильм

посмотрим какой-нибудь? Придешь ко мне или мне зайти?

– Нет, лучше ложись спать, а то будет обидно, если после выпивки и бессонной ночи, ты не пройдешь медосмотр.

– Ок, спокойной ночи!

– Сладких, – всхлипывая, девушка вешает трубку.

Ей хочется думать, что это звучит великодушно, но на самом деле это расчет. Выбор меньшего из зол. Если Ирак неизбежен, то пусть он лучше полетит туда от редакции: с опытными коллегами, после пройденного инструктажа, с бронжилетом и со страховкой... Если его не возьмут, он может рвануть туда один: с сомнительными провожатыми или даже без них в гордом одиночестве и без должной подготовки.

Жанна стоит в ванной перед зеркалом с подводкой в руках. Терпеливо дождавшись, пока тремор рук уйдет на перекур, она открывает колпачок и, словно первый раз в жизни, собирается рисовать стрелку. Линия почти идеальна: уцелели щеки, волосы были вовремя откинута на спину, так что для пятилетней девочки, познакомившейся с маминой косметичкой, макияж чуть ли не безупречен. Девушка в пятый раз смывает все, с досадой думая, что это искусство, которым она овладела еще лет десять назад, сегодня представляется сущей пыткой. Почти отчаявшись, она направляется на кухню за подкреплением.

Запихнув в рот ломтик сыра, девушка замирает у холо-

дильника. Давит в груди. Если бы Андрей ушел в Сопротивление, то было бы, наверное, еще страшнее, но когда это было-то? Она надеялась на то, что все беды остались в минувших столетиях, а на ее веку все будет безоблачно. На контрасте с Францией времен Виши² и немецкой оккупации должно было стать легче, но почему-то по-прежнему сводит живот, и Жанна почти не чувствует ног.

Чуть успокоившись, она возвращается к зеркалу, удаляет подводку и решает ограничиться тушью, причем только на верхних ресницах. Не особо всматриваясь в результат, – боится и в нем увидеть огрехи – девушка, убрав косметику, выходит из ванной.

До спецрейса еще пять часов, но сидеть дома невыносимо и бессмысленно. Посуда валится из рук, музыка раздражает, новости вводят в уныние, латинские буквы в книгах и газетах расплываются и перемешиваются друг с другом в хаотичном порядке, превращаясь в иероглифы, которые она не изучала. Она звонит Андрею и просит выехать пораньше.

Только в аэропорту становится чуть легче. Харизматичный персонал в униформе, при котором можно говорить все, что хочется, не опасаясь концлагеря или депортации. Подлинные документы на собственные имена. Коммерческая реклама вместо свастики. Привычный гул самолетов и обжигаящий нёбо капучино. И даже круассан один на двоих только

² Коллаборационистский режим в Южной Франции, появившийся после поражения Франции в начале Второй мировой войны и падения Парижа в 1940 году.

потому, что есть не хочется. До боли знакомый дружественный мир, в котором нет места смерти.

Андрей выглядит спокойным и бодрым. Несколько лет назад он почти не умел притворяться, но теперь поднаторел, и что он думает и чувствует на самом деле одному Богу известно. Он говорит, что с ним все будет хорошо. Жанне хочется кричать, что все хорошо с ним может быть только за пределами горячих точек, но ситуацию спасают вовремя подошедшие Дэниэль и его родители.

Дэниэлю 27, он холост, мускулист и уверен в себе. Майкл приезжает один. Ему хорошо за 40, он разведен, за его плечами множество ранений и несколько неизвестных за пределами журналистской среды премий. С родителями Дэниэля он на «ты», и, по-видимому, уже далеко не в первый раз успокаивает их, пересекаясь с ними в аэропорту. Постепенно подтягиваются и остальные: в основном, журналисты, врачи и наблюдатели – обладатели пропусков в самое сердце пепелища. Мать Дэниэля крепко обнимает сына, и он, не особо вникая, выслушивает ее дежурные напутствия.

Слезные проводы продолжаются около получаса, и Дэниэль решает, что надо закругляться. Майкл тоже рвется на регистрацию. Жанна стесняется плакать, потому что понимает, что Андрею хуже. Она слишком хорошо знает его, чтобы в этом сомневаться, но отпустить его просто так тоже как-то не по-людски. Она крепко обнимает его, а затем чмокает в губы. К ее удивлению, он принимается целовать ее по-насто-

ящему, долго и с языком. Он не может от нее оторваться и, убедившись, что коллеги отошли от них на приличное расстояние, признается, что очень боится. Его слова разрезают ее сердце на две части, но сослуживцы издали дают понять, что пора идти на рейс.

Когда Андрей удаляется, девушка ревет навзрыд, трясась всем телом. Мама Дэниэля подходит к ней и с горечью в глазах замечает, что горячие точки – это навсегда.

На следующий день в обеденный перерыв, который, к счастью, длится больше часа, Жанна решает отправиться на улицу Риволи, надеясь на то, что беззаботно отдыхающие парижане и гости города подействуют на нее как успокоительное. Разместившись в тени аркады на летней террасе кафе с луковым супом, девушка увидела группу китайских туристов, заходящих в сад Тюильри, находящийся через дорогу, а левее на той же стороне улицы, на которой сидела она, – русскоговорящих путешественников, сгрудившихся у мемориальной доски в честь Льва Толстого. В том доме, на Риволи, 206, в середине 19 века располагался пансион, проживая в котором Иван Тургенев начал писать «Отцов и детей», а потом и посоветовал именитому соотечественнику сие заведение. В честь автора «Муму» там тоже сохранилась мемориальная доска. Гид что-то долго вещал путникам, но от созерцания их расслабленных, открытых апрельскому солнцу лиц девушке стало только тяжелее, и она быстро пожале-

ла о том, что пришла сюда. Сограждане Андрея, да и еще в таком концентрированном виде – кажется, на улицу выпал целый автобус – всем своим видом напоминали о друге, который, возможно, больше никогда не устроит пикник на траве Марсова поля у самого основания Эйфелевой башни. Наконец, туристы двинулись в сторону площади Согласия, а Жанна в сотый раз с вожделением взглянула на мобильник, который предательски молчал. Умиротворяющая атмосфера бесила, а не успокаивала. Раздраженно закончив трапезу, она пошла в офис, не сводя глаз с сотового.

Вечером Жанна приехала в Булонский лес – один из крупнейших парков. Там стало чуть веселее, чем в центре, но Андрей по-прежнему не звонил, а его телефон был выключен. Она знала, что так может быть, но время тянулось невыносимо медленно. Мимо нее проезжали велосипедисты, проносились бегуны, неторопливо прогуливались пешеходы, и лишь белка – на удивление смелая – остановилась на обочине асфальтированной дороги и с сочувствием посмотрела Жанне в глаза. Девушка присела на корточки рядом с ней, и их взгляды встретились. Когда зверь нежно дотронулся лапкой до ее руки, Жанна уже не могла точно сказать, случилось это в самом деле или ей это только причудилось, так как в кармане завибрировал телефон. Судорожно нажав на кнопку «Ответить», она поднесла мобильник к уху. Жив, вроде здоров, хотя она так растерялась, что в подробностях ничего не спросила, даже чего-то поел. Говорил он странно: каким-то отре-

шенным, слегка роботизированным голосом, но она слишком хорошо знала Андрея, чтобы понять, что это был он собственной персоной. Коротко переговорив, он быстро закрутился, но обещал позвонить завтра. Чуть успокоившись и потерянно побродив еще немного по парку, она поплелась к машине. Когда девушка села за руль, из глаз брызнули слезы, поэтому ей пришлось дожидаться, пока мутная пелена не уйдет на кофе-брейк, и только тогда жать на газ.

В Париж Андрей возвращается с нервным тиком глаз. Сонный и непрестанно повторяющий, что там все ощущается совсем не так, как в кино. Как будто Жанна сомневалась. Они останавливаются у неизбалованного туристами и верующими собора в стиле неоготики, и парень ложится на ступени у входа. Словно успокоительное, льет дождь. Жанна присаживается рядом, и друг кладет голову ей на колени, закрыв глаза. Он спит двенадцать часов, отказавшись переместиться в машину. Вдоволь отдохнув, молодой человек предлагает заехать домой, переодеться и сходить в бассейн. Они плавают бок о бок, но Андрей чаще обычного уходит под воду, словно это убежище, в котором можно спрятаться от реальности. Возвращаясь на поверхность, он рассказывает ей об Ираке и рингтоном звучит такая желанная ее слуху мысль: никогда снова. Но вскоре оказывается, что все это было только предысторией, а вывод куда жестче: теперь парень мечтает стать военным журналистом. Он уже отправил

собственную статью в редакцию, от которой ездил, и завтра ее опубликуют. Если она понравится аудитории, то его возьмут. А если нет, то он поступит в магистратуру на журналиста.

Когда они приезжают домой, он показывает Жанне материал. Уже ранее обнародованные факты, неоригинальные метафоры, наполовину позаимствованные у Ремарка, и банальная истина, понятная даже дошкольнику. Девушка с трудом верит в то, что это вообще могли опубликовать пусть не в самом известном, но все же серьезном издании. Натуралистично, жестко и достаточно аргументированно. Да, есть парочка свежих деталей, но не более того. На Пулитцеровскую премию явно не катит.

Поцеловав на прощание беременную Катрин, Себастьян спустился на парковку. Сев в машину, он включил радио. Газеты мужчина читать не успевал и не очень любил, но в дороге чаще всего слушал новости. Рассказав об осаде Самавы, находящегося на юге Ирака, ведущий принялся за обзор свежей прессы. Прочитировав отрывки из некоторых материалов, журналист поведал о тексте некоего Кристиана Руссо, который, побывав в Багдаде, очень искренне и точно передал мысли и чувства миллионов французов.

Катрин, решившая прогуляться по Булонскому лесу, присела на скамейку у нижнего озера в тени дубов. На соседней, обнявшись, разместились пожилая пара, жадно пожирающая

глазами одну газету Lumière на двоих. В кармане раздался звонок мобильного.

Хронически безработная, очень общительная Моника спросила, читала ли Катрин свежий выпуск Lumière.

От недоумения у женщины чуть не отвалилась челюсть. Моника даже Cosmopolitan не жаловала.

«Они там только фантазируют, я и так все знаю получше всяких журналов», – любила повторять она.

– Это просто невероятно! – кричала Моника в трубку. – Обязательно почитай, я ничего в своей жизни лучше не видела... Хочешь расскажу?

Не дожидаясь ответа Катрин, Моника продолжила тараторить:

– Короче, обычный парень, который, как и все, видел такое раньше только в 3D. Эти политики – они вообще такие лицемеры, я вот раньше политикой не интересовалась, ну, типа они там люди грамотные, сами разберутся, но теперь я поняла, что это я зря... Он набрался смелости и полетел прямо туда, и описывал все это... Как американцы с британцами какие-то ракеты свои пускали по базам военным, а те, кто с ними рядом жил – так это так, не считается, сопутствующие потери... Например, девочка без двух ног осталась... Ну, то есть не девочка, а, – Моника на секунду замолкла, – то, что от девочки осталось. Жуть, в общем... Блин, я не знаю, как это сказать, но об этом надо знать... И написано так ярко и доступно, главное... Ну, это читать надо, там очень круто

написано и не так коряво, как я сейчас изложила, правда, – подытоживает девушка.

Добившись от Катрин обещания, что та непременно, как только вернется домой, прочтет материал Кристиана Руссо – он бесплатно доступен в интернет-версии издания – Моника принялась обсуждать более будничные вещи.

Наговорившись со всеми вдоволь, она отправилась в парикмахерскую, собираясь обновить образ и обязательно и там поделиться удивительной находкой, но оказалось, что с самого открытия заведения и без нее разговоров только об Ираке и Руссо.

Тем временем младшая сводная сестра Моники, ярко накрашенная Стефани, лежа на лужайке во дворе лица, увлеченно разговаривала с кем-то по телефону. Завершив разговор, старшеклассница в ультраузких джинсах и расстегнутой кожаной куртке, из-под которой виднелось декольте, посмотрела на подошедшую к ней Софию.

– С кем болтала? – спрашивает девушка, присаживаясь рядом.

– С папой, – признается Стефани.

– В смысле? Ты же его на дух не переносишь.

– Мы помирились. Ты читала Руссо?

– Эээ... А что именно?

– Не того Руссо, а другого, Кристиана. Ты что, не в теме? София качает головой.

– Сегодня утром в L'Unitè этот новый Руссо опубликовал

статью о Багдаде. Это просто гениально. Он буквально залез в мою голову и изложил мои мысли на бумаге так, что теперь каждый поймет, что натворили США. Я ее сегодня утром прочитала, – продолжает Стефани, – а потом мне папа звонит. Проявился вдруг... Я думаю: в чем подвох? Спросил, как школа и так далее, а потом говорит: «Если я правильно помню, ты вроде в детстве журналисткой хотела стать, так вот почитай, что такое настоящая журналистика, а не ваши гляцевые журналы». И скинул мне ссылку на статью эту на почту. Я ему, конечно, предъявила за то, что он меня дурой набитой, похоже, реально считает. Заявила, что я сама ее нашла и уже прочитала. Тогда я сразу выросла в его глазах, и он предложил встретиться, когда я буду свободна. Так что послезавтра мы с ним увидимся, – заканчивает она.

Когда обеденный перерыв подростков подходит к концу, русскоговорящая мама Софии – 35-летняя Кристина, выросшая в советской Москве, – размещается в кресле для маникюра у русскоговорящего мастера Наташи.

Фоном работает телевизор, почти без звука включен французскоязычный канал.

– Lumière сегодняшней не читала? – интересуется мастер, приступая к работе.

– Ой, да у меня с французским не очень. Если честно, совсем слабо, – признается Кристина. – А что там? Что-то стоящее?

– Да журналист какой-то новый, никому не известный, на-

писал очень трогательную статью о вторжении в Багдад. Я в автобусе сегодня ехала, так половина пассажиров, не отрываясь, сидела, уткнувшись в газеты. У меня самой пока руки не дошли, тем более что я, к сожалению, не очень бегло читаю, но муж тоже очень похвалил, говорит, придешь с работы, обязательно почитай, если что, перескажу тебе статью более простым языком.

– А, ну мне тогда, может, дочь переведет ее.

На телеэкране появляется Андрей, и Наташа, услышав, о чем речь, делает звук громче.

– Это и есть Руссо, – поясняет мастер. – Ты же не против?

– Да, слушай, только я ничего не понимаю.

– Ну, я тебе потом перескажу, что пойму.

В студии сидят Андрей и французский ведущий средних лет.

– У нас в гостях Андрей Ильяновский, именно он под псевдонимом Кристиан Руссо написал статью о вторжении в Багдад, которую сегодня обсуждает чуть ли вся Франция. Все 300 тысяч экземпляров газеты *Lumière* были раскуплены еще до полудня, а в Интернете соответствующий запрос стал вторым по популярности...

– Руссо этот, похоже, из наших, – поясняет Наташа. – Его на самом деле Андрей зовут.

– Да не может быть, как же надо язык знать, чтобы статьи на нем писать? – Кристина бросает скептический взгляд на экран.

– Вырос, наверное, здесь.

– Вообще он переводчик, – добавляет женщина, внимательно слушая ведущего, который, к счастью, как и большинство журналистов, говорит четко и разборчиво, так, чтобы даже иммигранты поняли.

– А, ну тогда ясно. Способности у человека.

– Да, но все равно молодец. Я вот всегда знала, что наши – ну, соотечественники – лучшие... Сколько мы олимпиад и по математике, и по физике выигрывали, и в шахматах всегда лучшими были, а теперь еще и в журналистике, аж гордость берет, – восхищается Наташа.

Теперь, когда самое жуткое неизбежно, Жанна пробегает текст глазами еще раз: не так уж и плохо. Накануне она относилась к его творению очень предвзято, словно ее оценка могла повлиять на мнение остальных. Откровенное эссе пацифиста, который побывал на границе добра и зла, написанное с позиции того счастливого большинства, которое может ходить в школы и заниматься любовью, не опасаясь того, что в самый ответственный момент придется вскочить и искать убежище.

Его научили работать, попросили быть менее экспрессивным и собирать больше фактов вместо слащавых лозунгов. Он и сам это понимал, просто встреча с адом слегка затуманила его мозги. После следующей командировки у него больше не дергаются глаза, и его новые материалы похожи

на журналистику.

Андрей четко дает понять Жанне, что они только друзья. Тот поцелуй перед спецрейсом был не чувством, но страхом перед возможной смертью и вечным расставанием. Она не обижается. Нельзя дуться на того, кого любишь больше всего на свете, особенно если этот кто-то может погибнуть в какой-нибудь обычный четверг.

ИРАК. 2003

Недалеко от них раздается взрыв. Из-за волны из носа хлещет кровь, но в остальном Андрей, облаченный в каску и синий бронежилет с надписью «PRESS», цел и невредим. 39-летняя Элизабет, живущая в Шотландии и работающая оператором, сломала руку. Остановив кровотечение и оказав женщине первую помощь, он доносит ее оборудование до гостиницы для журналистов – двухэтажного светло-серого здания, расположенного на территории, контролируемой США и их союзниками. Вход в помещение охраняют американские солдаты. В холле на облезлых и полинявших диванах с зеленой обивкой сидят журналисты с ноутбуками на коленях, многие курят; несколько человек разместились на полу: так сподручнее использовать ментальные карты, собирая материал.

Подоспевший врач, живущий в том же отеле, оказывает Элизабет медицинскую помощь, после этого она собирается уходить к себе.

Андрей понимает, что это она, по сладкому ужасу, оккупировавшему его сердце, которое забилося так сильно, что заглушило бы собой даже шум песчаной бури. Очевидно, ничего сверхъестественного нет ни в ее стиле, ни в ее взгляде, но его потянуло к ней как магнитом.

Один из совсем молоденьких рядовых радостно кричит,

что привезли пиццу.

– Какую ты любишь? – спрашивает Андрей по-английски.

– Да все равно, – отмахивается Элизабет.

– А все-таки? – допытывается молодой человек, пожирая ее глазами.

– Гавайскую, – отвечает она.

Андрей выходит на улицу, но выясняется, что есть только Маргарита. Узнав, где можно приобрести Гавайскую (ее привезли в одну из рот), парень вскоре приносит три куска пиццы с ананасами и два куска Маргариты в номер Элизабет.

– Приятного аппетита, – он протягивает ей еду и снимает каску и бронежилет.

– Спасибо. И тебе.

– Спасибо, – отвечает он, прожевывая Маргариту.

– Где ты ее нашел? – интересуется она, отвлекаясь от ноутбука и приступая к трапезе.

– Секрет. Как твоя рука?

– Да пустяки, я уже забыла о ней.

– Вкусно?

– Для войны неплохо.

– Да, я тоже так думаю. В детстве я даже представить себе не мог, что журналистам в горячих точках будут привозить пиццу, – признается Андрей, садясь на край ее кровати, так как в номере всего один стул.

– Не обольщайся, бывает по-разному, – предупреждает она.

– Я знаю, – соглашается парень. – В «Кёрли»³ вообще мессиво было. Я не помню, ты там была?

– Нет, я у Тартара⁴ тогда работала.

Элизабет одета в синюю футболку, вельветовые прямые штаны, и ее русые недлинные волосы убраны в потрепавшийся тощий хвост. Густые темные брови нависают над ненакрашенными глазами, под которыми синяки чувствуют себя как дома, а кожа на подбородке слегка обвисла. Женщина крупная и высокая – ростом с Андрея.

Заканчивая ужин, Элизабет рассказывает парню, как у нее все начиналось. Первой командировкой стала поездка на вторую гражданскую войну в Судане; Андрей тогда только пошел в садик. Как и он сейчас, в 1983 году она думала, что журналисты могут что-то изменить.

– Страшно было? – спрашивает молодой человек, доедая кусок пиццы с ананасами и запивая ее холодным чаем.

– Немного, но самое жуткое – это возвращаться в Судан и видеть руины, оставшиеся на месте твоего дома и смотреть, как твои закадычные друзья детства убивают друг друга. Так что наши переживания никогда не сравнятся с тем, что чувствуют местные.

– Это да, – Андрей вздыхает.

Парень не собирался заниматься с ней сексом: в команди-

³ 7 апреля там происходили ожесточённые бои, погибло несколько сотен военных (включая иракских) и двое журналистов.

⁴ 7 апреля был взят штурмом президентский дворец Тартар.

ровках он предпочитал думать исключительно о работе, но жгучее желание, овладевавшее им все с большей силой, достигло своего апогея, смешиваясь с уважением, которое вызвала у него эта женщина. После ночи, проведенной вместе, они решили встречаться и в Европе, так как оба свободны.

ПАРИЖ. 2003 – 2004

Из панорамных окон открывается вид на ночной тринадцатый округ, в котором расположен самый большой в Европе азиатский квартал. Сидя практически в пустой редакции за компьютером с энергетиком в руках, Андрей закрывает папку с материалами, которые могут послужить доказательством или опровержением наличия у Ирака оружия массового поражения, и открывает старые видеорепортажи Элизабет из других мест. С упоением пересмотрев их по несколько раз, он с ужасом глядит на часы: время поджигает, а его мысли с каждой минутой улетают все дальше от Ирака, и становится абсолютно неясно, почему 23-летнего парня должна занимать политика, если он, кажется, влюбился: впервые, по-настоящему, навсегда и, конечно, очень не вовремя.

– Нашел что-нибудь? – спрашивает 26-летний темноволосый Пьер, подходя к нему.

– Пока ничего убедительного, – Андрей протирает глаза.

– Долго еще сидеть будешь? Могу подбросить тебя до дома.

– Я здесь, видимо, до утра останусь, – сонно отвечает он.

– Ладно. До завтра!

– Пока.

Пьер уходит.

Весь разум Андрея охватили чувства. Дождавшись, пока

коллега выйдет на улицу, парень открывает поисковик, тщетно пытаясь отыскать там противоядие от любви. Не хватало еще, чтобы его уволили, если он вконец расслабится. Счастья такой ценой ему точно не надо.

Осенью в Париж приезжает Элизабет, гипс ей сняли несколько недель назад. Убрал все совместные фотографии с Жанной лицом вниз в верхний ящик комода и накрыв их горсткой старых журналов, Андрей едет встречать журналистку. Женщина предстает перед ним в серой однотонной флисовой кофте, массивных ботинках на толстой подошве и все в тех же вельветовых штанах, что и в Ираке. Ее тонкие волосы небрежно болтаются по спине. Страстно поцеловавшись прямо на вокзале, забив на запрет⁵ и вручив ей огромный букет лилий, который ей, похоже, не очень понравился, тщательно подготовившийся Андрей проводит ей обзорную экскурсию, но выясняется, что Элизабет в городе бывала не раз и, судя по всему, его усилий по достоинству не оценила. Слегка разочаровавшись, он предлагает сходить в кино на «Влюбись в меня, если осмелишься» (недавно состоялась его премьера), так как начинает моросить дождь. Но мелодрамы и ромкомы Элизабет терпеть не может, поэтому они покупают билеты на какой-то боевик, который Андрею не очень нравится: боини ему хватает и вживую. На вечер он заказал столик в ресторане.

⁵ Формально на железнодорожных вокзалах Парижа запрещено целоваться.

После занятия любовью она остается у него на ночь. На следующее утро парень, слегка расстроенный и обескураженный из-за того, что Элизабет, похоже, невзрачно выглядит не только там, что вполне понятно и объяснимо, но и в обычной жизни, приносит ей завтрак в постель, но женщина не в восторге от подобной заботы и просит его впредь не заниматься такими щенячьими нежностями. Быстро приняв душ и одевшись в те же вещи, что и накануне, Элизабет дает понять, что она готова к выходу в свет. Тем временем Андрей уходит в ванну. Приведя себя в порядок, он возвращается в комнату: женщина что-то монтирует на его компьютере (он разрешил им воспользоваться).

– Чего ты так долго? – удивленно спрашивает она, поднимая голову от монитора, когда он принимается ее целовать.

– Пока помылся, побрился, голову вымыл, волосы уложил... Ты что, уже готова?

– Да. Ты каждое утро моешь голову? – недоумевает она.

Андрей едва сдерживается от того, чтобы сказать: «Странно, что ты нет».

– В Париже – да, там – как получается. Кожа быстро становится жирной, а еще мне не уложить волосы, если они сухие, – уточняет он, стараясь изо всех сил сохранять спокойствие.

К чему этот фарс? И что я в ней нашел? Она же страшная, как жизнь северокорейцев. Разве можно влюбиться в того, кого считаешь страшным? Конечно, внешность не главное,

но можно же было хотя бы проредить брови, это же не больно, точно не страшнее, чем работать на передовой: он узнавал у Жанны из любопытства.

Прежде чем покататься по Сене, Андрей предлагает сходить в торговый центр, так как, по его мнению, одежды у него с гулькин нос, хотя в его шкафу стройными рядами висит около пятнадцати классических рубашек и столько же клетчатых и других, менее формальных, несколько строгих костюмов, дюжина джинсов, футболок, пуловеров, свитшотов, худи, пиджаков в стиле casual и парочка кардиганов. И главное – в магазине он надеется ненароком соблазнить Элизабет хоть на какую-то обновку.

– Ты долго еще? – безразлично спрашивает женщина, когда он выглядывает из примерочной в очередных голубых джинсах.

– Выберу и пойдем. Ты себе ничего не приглядела? – откликается он.

– У меня все есть.

– Может, платье тебе посмотрим в другом магазине? Или рубашку? Ты носишь рубашки? Можно подобрать очень стильный образ.

– Я же говорю, что у меня все есть.

– Как тебе эти джинсы? – он одет в небесно-голубые, слегка зауженные.

– Джинсы как джинсы, – пожимает плечами она.

– Или эти лучше? – он показывает взглядом на серо-голу-

бые похожей модели, висящие в примерочной.

– Они одинаковые, – закатив глаза, отвечает она. – Бери любые.

– Они же совершенно разных оттенков. Ты как оператор это точно должна видеть.

– Ты уже сорок минут выбираешь джинсы, сколько можно-то?

– Сорян, просто мне носить нечего. Ладно, эти беру, – он показывает на небесно-голубые, – а остальные тогда без тебя выберу в другой раз.

– У тебя что, штанов нет? А в шкафу чья одежда висит? – со смесью удивления и пренебрежения спрашивает Элизабет.

– Моя, чья еще? Я один живу. Но что-то износилось, что-то надоело.

– Ясно. А кроме шмоток, тебя ничего не интересует?

– Меня не интересуют шмотки, мне просто нечего носить, я же объяснил. Ладно, все, уже идем на кассу, – закрывшись в примерочной, он переодевается в свои джинсы.

Жанна никогда не стоит, словно мумия, когда он пытается заниматься шопингом. В первый год, когда с финансами было не очень густо, она познакомила его с распродажами и бойко хватала то, что, по ее мнению и с учетом его пожеланий, могло ему подойти, невероятно точно, прямо на глаз определяя его размер. Иногда, когда денег было кот наплак, девушка уберегала его от спонтанных и лишних поку-

пок. Потом, когда Андрей потерял счет франкам и чуть позже евро, которые давали первые ростки, она помогала ему советом и компанией.

Катаясь по реке, Андрей узнает, что у Элизабет есть сенбернар, и всю прогулку они оживленно обсуждают собак. Мужчина, правда, считает, что заводить животное, когда живешь один и регулярно едешь в командировки, – это эгоизм чистой воды, так как питомец будет по тебе скучать, но женщина убеждена, что парень слишком очеловечивает братьев наших меньших, и в зоогостинице им прекрасно.

Он ничего не рассказывает Жанне несколько месяцев. Поездки в Британию объясняет общими словами о новых друзьях, с которыми он ее непременно как-нибудь познакомит. Пытается сравнивать Жанну и Элизабет между собой, но они настолько разные, что уравнение не складывается.

Лишь к концу года он решается.

– Мне надо с тобой серьезно поговорить, – озадачивает он гостившую у него Жанну, разместившись рядом с ней на диване.

Пятью минутами ранее он презентовал ей сумку от модного дизайнерского дома. Недавно в «Галерее Лафайет» – пассаже со стеклянным куполом и декором в стиле модерн – девушка позарилась на такую, когда они решили побродить по магазинам перед просмотром балета в Гранд-опере, расположенной напротив, но сумочка оказалась француженке явно не по карману. Тогда Андрей предложил ее оплатить,

Жанна отказалась. Еще чего: она же не немощная, тоже работает, да и он ей просто друг. Она допускала, что он подарит ее на Рождество, но до торжества почти неделя, и праздник они собирались отмечать вместе в компании общих знакомых.

В углу стоит искусственная елка, и ничто не предвещает грозы. Не за горами долгожданный 2004. Год, когда он получит французское гражданство, и они с Жанной – это его теория – наконец станут равными. В юности он часто то ли в шутку, то всерьез говорил, что они не могут пожениться, так как у них разные паспорта, и их брак из-за этого якобы может восприниматься другими людьми как фиктивный. Жанна, правда, убеждена, что это полнейшая чепуха, тем более что сейчас он, несмотря на другой дизайн документа, удостоверяющего личность и гражданство, зарабатывает гораздо больше ее. Ему нужна отмазка, которая кажется убедительной, но совсем скоро никаких путей к отступлению не останется.

Она знает, что никого ближе ее у него нет. Практически все те годы, что они знакомы, оба встречались с кем-то другим, но у обоих это было скорее от безысходности.

Они целовались лишь однажды – тогда перед самолетом – но до дня X еще есть достаточно времени, чтобы наверстать упущенное.

У Андрея не могла всерьез появиться другая, потому что он любит ее. Он звонит ей даже оттуда, когда есть возмож-

ность. Никогда не оставляет неотвеченными ее сообщения. Общаясь с другими, – даже с приятелями – он разговаривает как образцово-показательный француз. Не дай Бог они решат, что он чего-то не знает. При ней же он меньше парит-ся даже в языке, не говоря уже обо всем другом. Он не может обходиться без ее общества дольше двух-трех дней. Если это случается и есть стабильное соединение, то он обязательно звонит ей по видеосвязи и уповает на то, что когда-нибудь технологии позволят обниматься дистанционно. Если это дружба, то какая-то очень специфическая.

Выслушав Андрея, она понимает, почему он выбрал Элизабет. У них есть общие интересы, они коллеги, и женщина вызывает у нее только уважение. Если ему с ней лучше, то пусть будет счастлив. Когда-нибудь, возможно, она найдет себе жалкое подобие Андрея и смирится. А, может быть, даже полюбит суррогат.

Еще раз все обмозговав, парень резюмирует, что Жанну он любит больше, чем Элизабет, но будет встречаться с последней.

Теперь от него попахивает шизофренией.

– Потому что боишься потерять меня как друга? – уточняет она, насупившись.

Андрей кивает. Теперь, когда становится понятно, что не все потеряно, и у них вообще-то все взаимно, девушка предлагает ему найти друзей, а с ней встречаться. Например, можно приятельствовать с Элизабет: его немного смущает

ее возраст, а потому им логичнее было бы стать друзьями. Насколько она понимает, у Элизабет это далеко не первые постоянные отношения и вряд ли она сильно расстроится. Конечно, это надо все с ней обсудить, но она точно не парится так, как он.

Парень соглашается, но загвоздка в том, что с друзьями надо говорить по душам, а с Элизабет это совершенно невозможно. Он ничего не рассказывал женщине о своем детстве, но боится, что она назовет его проблемы тинейджерскими и надуманными. Жанна объясняет, что можно обойтись без этого. А если ему это так необходимо, то он может найти кого-нибудь еще в друзья. Звучит умно, но с Элизабет он регулярно занимается сексом. Часто там, в горячих точках. Не может не заниматься, там без него никак. Жанна знает, что некоторые журналисты изменяют своим партнерам из мирной жизни с коллегами по цеху. Читала, что кто-то даже не считает это изменой. Но Андрей так не может. Ему кажется, что тогда он предаст сразу обеих.

Он извиняется за свое сложное поведение, она считает, что он не виноват. Он все еще жив, его не мучают ночные кошмары, нет спутанности сознания, и он не обходит жилой дом со всех сторон, прежде чем отойти ко сну. По-прежнему никогда не кричит и, тем более, не поднимает ни на кого руку. Остальное поправимо.

В зрительном зале конгресс-холла сидят журналисты и го-

сти, всего около пяти тысяч человек, на сцене под прицелом теле- и фотокамер стоит молодая ведущая с микрофоном в руках.

– Наш победитель в номинации «Дебют года» поведал миру о запретной любви ассирийки Диялы, исповедующей христианство, и мусульманина курда Бахрама, которая могла бы стать историей со счастливым финалом, – говорит она в микрофон.

На экране над сценой появляется фотография пары, молодые люди нежно смотрят друг на друга: девушка одета в синюю тунику с орнаментом и поясом, а парень наряжен в национальный костюм: в стархани, напоминающее пиджак и заправленное в широкие брюки, фиксирующую шапочку – клав и четырехугольный платок с бахрамой по краям, называемый мшки и обворачиваемый вокруг клава.

– В феврале прошлого года родители влюблённых приняли выбор детей, но через два месяца после этого молодые люди погибли от рук террористов, активизировавшихся после «Иракской свободы»⁶. Злые языки говорили, что их покарал Аллах. Кристиан Руссо тщательно изучил их биографии, поговорил с их родителями и близкими, в руинах разрушенного дома нашел и перевел стихи Бахрама...

Фотография на экране сменяется другой: крупным планом засняты частично обгоревшие страницы со стихами на арабском и курдском языках.

⁶ Название военной операции США и их союзников против Ирака.

Зал аплодирует. Поднявшись на сцену и беря статуэтку, которую протягивает ему ведущая с поздравлениями, Андрей подходит ко второму микрофону:

– Спасибо большое, для меня это огромная честь. Дияла и Бахрам стали мне родными. И я предлагаю почтить их и других жертв этой войны минутой молчания, – его голос слегка дрожит.

Все встают и молчат, некоторые вытирают слезы.

ПАРИЖ. 2009

Андрей зовет Жанну на документальный спектакль молодежного камерного театра, разместившегося на территории бывшего винного завода. Сегодняшняя постановка посвящена массовым беспорядкам 2005 года, поводом к которым стала гибель двух подростков африканского происхождения, спрятавшихся от полиции в трансформаторной будке.

После представления Андрей дал короткий комментарий – поделился впечатлениями об увиденном – начинающей корреспондентке, которая случайно встретила его, и разумеется, узнала.

К известности он никогда не стремился, но получилось само собой. Иногда он считает, что не совсем заслуженно, но глупо отказываться от медийного капитала, когда он прекрасно конвертируется в евро. Лишнего ему не надо: до 70% всех доходов он жертвует на благотворительность. Не ради пиара, просто по-другому не умеет. Андрей всегда называет белое белым, а черное – черным. Первым стал исправлять свои посты в соцсетях, оставляя при этом первоначальный вариант и извиняясь перед подписчиками за ошибки или неточности. Позже это стало мейнстримом. Люди ему верят. Некоторые даже сулят политическую карьеру, но ему это неинтересно. Полутона не для него.

– А Элизабет что не празднует? – недоуменно спраши-

вает Жанна, садясь на переднее пассажирское место в белом хэтчбэке премиум-класса и вспомнив, что у избранницы друга сегодня день рождения.

Андрей как ни в чем не бывало заводит двигатель, словно не услышал ее вопрос. Затем сосредоточенно нажимает на газ и, не встречаясь взглядом с Жанной, выезжает с парковки.

– Вы что, поссорились? – встревоженно предполагает она.

– Расстались, – холодно отвечает Андрей.

Без особого энтузиазма он рассказывает, что Элизабет решила уволиться. Физически она еще вполне сильная, особенно если учитывать, что у нее шрамов столько же, сколько у пехотинцев, но она хочет усыновить ребенка. Женщина предложила Андрею вернуться к работе переводчиком во Франции или в Британии – ей непринципиально – чтобы он мог больше времени проводить с новоиспеченной семьей.

Он к этому не готов. Кажется, она восприняла его отказ вполне спокойно. Она же понимает, что у него все только начинается, а стать отцом он может и через десять лет. Теоретически он мог бы ничего не менять в своей жизни, только съехаться с Элизабет и по-прежнему гонять в командировки. Но она была против. Сочла, что у ребенка должна быть полноценная семья, а не вечно мотающийся по Ближнему Востоку папаша.

– Ты как? – с сочувствием спрашивает подруга, выслушав его.

– Пока не нахлынуло. Наверное, рванет позже. Я не хотел тебе говорить, потому что пока ты ничего не знаешь, создавалось ощущение, что ничего и не произошло, – грустно поясняет он, выезжая на окружную дорогу.

– Еще можно все переиграть. Наверняка вы сможете прийти к компромиссу, – считает Жанна.

– Ты предлагаешь мне бросить эту работу? – с вызовом спрашивает Андрей.

– Нет, но можно же найти золотую середину.

– Нам не удалось. Я не хочу перетягивать одеяло на себя. Кстати, я был уверен, что ты скажешь, что мне надо завязать с горячими точками, раз подвернулся отличный повод.

– Вовсе нет, это совсем необязательно. Ты востребован, тебе нравится твоя работа, да и приносит отличный доход.

– То есть тебя больше не смущает, что я могу – как ты там говорила – погибнуть в какой-нибудь обычный четверг?

– Конечно, я боюсь, но ты же осторожен, ни одного ранения, умничка. Продолжай в том же духе.

– Это же не от человека зависит. По крайней мере, далеко не всегда от него. Хочешь сказать, что Элизабет сама виновата в том, что на ней живого места нет? – он повышает голос.

– Ну, операторы всегда рискуют больше, чем остальные журналисты... И мы оба знаем, что она не всегда была в бронике, – неуверенно отвечает она.

– Я бы на тебя посмотрел на ее месте, – парирует Андрей.

– Прости, Андрюш. Я не хотела вас задеть. Но, блин... Я надеюсь, ты-то всегда в бронике?

– Без комментариев.

– Серьезно? – опешив, переспрашивает Жанна.

– Предположим, что чаще, чем можно, без вреда для здоровья. Но реже, чем следовало бы по технике безопасности, – нахмурившись, признается он, когда они приходят в его квартиру в новом ЖК в стиле неоклассицизма в ближайшем пригороде Парижа.

Он снимает пальто и вешает его в огромный шкаф-купе, который стоит вдоль длинной стороны коридора.

– Бред какой-то получается, – задумчиво констатирует факт она, раздеваясь.

– В жизни вообще много нелогичного: взять хотя бы то, что мы обсуждаем в 21 веке с тобой войны как что-то само собой разумеющееся, – отзывается он, проходя на кухню. – Есть будешь что-нибудь? – спрашивает он, открывая белый двухдверчатый холодильник.

– Физалис можно, – отвечает она, садясь на диван в гостиной.

– Или то, что для открытия счета в банке нужно где-то жить, а чтобы где-то жить, нужен местный счет в банке, – добавляет мужчина.

– Не замечала.

Поставив ягоды на журнальный столик, Андрей приземляется рядом.

– Ты-то понятно, что не замечала, – отвечает он, памятуя о том, что она могла открыть местный счет в банке еще в отрочестве, а французское гражданство и регистрация в Париже у нее с рождения. – Но я тоже. Я, видимо, очень везучий, иногда открываю русскоязычный Интернет и глазам своим не верю, когда читаю, как здесь тяжело, оказывается, некоторым мигрантам.

– На одной удаче далеко не уедешь. Ты очень упорный и трудолюбивый, – подчеркивает женщина. – Я бы не смогла каждый день все детство заниматься иностранными языками по 5-14 часов в день.

– Мне это в кайф, ты же знаешь. Мне все равно больше делать было нечего. И у меня выбора не было, – дрожащим голосом добавляет он, потянувшись за очередной ягодой.

– Я бы с такими родителями, как твои, только плакала бы круглыми сутками и ничего сложнее «hello» не выучила бы в такой обстановке, – признается Жанна, прожевав оранжевую бусинку.

– Нет, ты бы все рассказала учительнице в первый же день, и тебя бы изъяли из семьи. Ты же была бойкой и смелой, не то, что я... – он прикусывает губы.

– Не факт... Если бы я росла советским ребенком, я бы, скорее всего, тоже молчала. Воспитание и среда многое определяют.

– Может...

– Давай съездим летом в Брюссель на фестиваль цветов?

– Если буду свободен, то можно, – отвечает он. – Но вообще, я бы лучше на теплое море рванул.

– Так можно и туда, и туда, – предлагает Жанна.

– Нет, лето очень тяжелое будет, у меня начнутся съемки, и в Афганистане сейчас полная жесьть.

Андрей подходит к столу, берет ноутбук и, садясь на диван, ставит его на колени.

– Как-то так, – он открывает какую-то фотографию.

Взглянув на нее, женщина испуганно вскрикивает.

– Может, тебе тогда действительно завязать с горячими точками? – ужаснувшись, спрашивает она.

– Я в порядке. Забудь, зря я тебе это показал.

– Тебе отдохнуть надо.

– Я отдыхал сегодня.

– Один день в месяц, – она закатывает глаза. – Ты, если не там, так на других проектах пашешь.

– Неправда, – возражает он.

– Несколько дней в месяц.

– Все так работают, – он убирает ноутбук обратно на стол.

– Я так не работаю.

– Я норм, только спина от броника болит немного, – Андрей ложится на живот, расстегнув и задрав рубашку. – Почтище, чем от ваших компьютеров, – поясняет он. – Пожинай плоды своей теории о том, что броник – это якобы наше все.

Его тело накачено, как у профессионального спортсмена, лицо, руки и шея загоревшие, но спина более бледная.

– Сходи на массаж, я же не умею, еще хуже сделаю, – растерянно отвечает Жанна.

– Я ходил. Но сейчас мне некогда. Завтра в Варшаву, в пятницу в Афганистан.

– А что в Польше? – интересуется она, начиная слегка гладить ему спину.

– Съемки о приемных семьях.

– Может, тебе лучше заниматься только социальной журналистикой? Можно еще внутривластной.

– Не могу. Изначально я стал известным именно как военный журналист, я адаптировался к работе там, насколько это вообще возможно, конечно, у меня это получается, я приношу какую-то пользу, аудитория меня любит и ценит... С какой стати я должен это бросать?

– Ты можешь устать, это нормально. Ты не должен делать это через силу, – настаивает Жанна.

– А ты думаешь другим легче, чем мне?

Жанна молчит.

– Давай встречаться, когда или... если ты расстанешься с Амиром? – предлагает он через некоторое время, пристально посмотрев на нее.

Девушка собирается его поцеловать, но он не дается.

– У тебя вообще-то парень есть, – усмехаясь, он чуть притормаживает ее пыл.

– Если для тебя это так принципиально, я могу расстаться с ним прямо сейчас, – она тянется за смартфоном.

Андрей ее останавливает:

– Не нужно это делать из-за меня. Если вы сами по себе решите разбежаться, то можно попробовать.

– Может, я сама выберу, с кем мне расставаться, а с кем нет? Я тебя люблю больше, чем Амира.

– Ему будет больно. Я не хочу, чтобы он страдал из-за меня.

– А меня тебе, значит, не жалко? – возмущается она, перестав его массировать.

– Тебе же хорошо с ним. Разве нет?

Жанна медлит с ответом.

– Да, он зарабатывает меньше меня, но деньги же не главное. К тому же, он тоже далеко не нищенствует. И у него безопасная работа. И он умеет готовить, не то что некоторые, которые только салат могут родить и то с Божьей помощью. И наверняка он в постели хорош – не то что я. И он в твоём вкусе. Ты всю жизнь симпатизировала темненьким, значит, они твоя судьба, а я всего лишь исключение из правил, – высказывает Андрей свое мнение.

– Мы начнем встречаться в 90 лет? – женщина повышает голос.

– Мы можем встречаться и раньше, если оба одновременно будем волею судьбы одиноки.

– А если этого никогда не произойдет? – ее щеки становятся пунцовыми.

– Значит, так суждено. И да – дружба во сто крат лучше

любви. Посуди сама. Любовь заставляет людей казаться круче, чем они на самом деле, а в дружбе все по чесноку.

На сайте знакомств Андрей находит 27-летнюю Эмму – блондинку с ослепительно белыми зубами и грудными имплантами. Рост 170 сантиметров.

Сидя на просторной кухне с бокалом сухого белого вина, он показывает Жанне с ноутбука фотографии и переписку с Эммой.

– Видимо, все ушло во внешность, – стебется женщина, делая глоток сладкого розового и заметив в сообщениях, что в слове «bonjour» избранница друга умудрилась допустить сразу четыре ошибки.

– Это верлан⁷, – Андрей защищает Эмму всеми фибрами души, поедая салат из омаров с фисташками и сыром.

– Мне напомнить, что такое верлан и как он образуется? – усмехается она.

– Может, у нее дислексия, – гнет свою линию мужчина.

– Что ты в ней нашел? – Жанна ест тот же салат. – У вас же нет никаких точек соприкосновения, а для тебя это важно.

– Влюбился. Она веселая.

– А еще, – Жанна продолжает ревностно штудировать их переписку в компьютере, – узнав, что ты из России, спро-

⁷ Разновидность сленга, заключающаяся в добавлении или упразднении последней гласной буквы, разделении слова на слоги, инверсии слогов или сокращении слова.

сила, где это. Тебя это нисколько не смущает? – Женщина чуть не поперхнулась от симбиоза возмущения, удивления и негодования.

– Может, она просто имела в виду, с какими конкретно странами граничит Россия, – парирует мужчина, закрывая сайт, чтобы Жанна больше не выискивала у девушки недостатки, и откладывает ноутбук в сторону, захлопнув крышку. – Но я ее люблю. Что, не имею права?

– Любой дурак знает, с кем граничит Россия.

– Не утрируй. Тебя зачали в СССР, поэтому тебе хотелось больше узнать об этой стране, а среднестатистический француз этого не знает и не обязан знать. Например, на днях молодая ассистентка продюсера очень удивилась, когда узнала, что Польша раньше входила в социалистический блок.

– Ну, допустим. А чем она вообще по жизни занимается?

– Безработная. У нас свободная страна, имеет право.

– Можно честно? Только не обижайся, пожалуйста.

– Конечно.

– Тебе просто льстит обладание конвенционально красивой девушкой. Хотя с твоими-то возможностями ты мог отхватить кого-нибудь и помозговитее. И если уж ты интересуешься моим мнением, то я вполне допускаю, что Эмма будет тебе изменять, особенно когда ты будешь в командировках.

– Не каркай. Я обеспеченный человек, она не будет зариться на других. Не посмеет.

– Ну-ну. Нашел себе собачку и будешь наслаждаться тем,

что она от тебя материально полностью зависит?

– И что? Я же не на рабство ее обрекаю. Захочет – будет работать, я буду только рад. Мне нравится заниматься с Эммой сексом. И ради этого можно пожертвовать тем, что духовно она из себя действительно мало что представляет. Идеал же недостижим.

– Ладно. Поздравляю, – Жанна усмехается. – Это дорогого стоит.

В ЧЕРТОГАХ ДЬЯВОЛА. 2014

В камере с бетонными стенами и полом площадью двадцать – двадцать пять квадратных метров их осталось восемь. Семь мужчин с сальными от пота, дистресса и времени волосами, бородами, растущими в творческом беспорядке и широко раскрытыми от ужаса зрачками, и миниатюрная, но подтянутая 25-летняя Паула с такой же безрадостной прической и облупившимся маникюром. Они выглядят бледными и слегка исхудавшими, но ни на ком нет следов свежих ран или побоев. Алехандро, встав на цыпочки, заглядывает в маленькое решетчатое окно: рядом с вырытой ямой стройной шеренгой виднеются человеческие силуэты в оранжевой униформе, стоящие на мушке у тех⁸, кто возомнил себя властью. Справа разместился еще один боевик с камерой в руках.

– Не смотри туда, – тихо просит Дэвид по-английски.

Андрей в джинсах и когда-то белой футболке, которая теперь стала серо-рыжей, сидит на корточках, закрыв лицо руками.

С улицы раздаются выстрелы. Андрея колотит мелкой дрожью, Алехандро молниеносно отпрыгивает от окна, Паула вскрикивает, Дэвид вытирает слезы, Дэниэль вздрагивает,

⁸ Из запрещенной в России террористической организации.

Бастиан одними губами читает какую-то молитву. Жульен и Марк, первыми заметив, что в помещение ворвались боевики, покорно встают лицом к стене, сомкнув руки за спиной.

– Лицом к стене! – разъяренно напоминает террорист на английском, так как остальные, еще не отошедшие от шока, похоже, не спешат следовать примеру товарищей по несчастью.

Не дожидаясь, пока в ход пойдет дубинка, пленники повинуются. На Андрея надевают наручники и выводят наружу, закрыв дверь. Обратного его приводят примерно через полчаса, освобождают от оков и запирают камеру. Он медленно ложится на толстовку на правый бок. Его левая рука красная и сильно припухла, а со спины из-под футболки тонкой струйкой сочится кровь. Подойдя к пострадавшему, Марк оголяет его спину и осматривает ее.

– Жить буду? – грустно усмехнувшись, спрашивает Андрей.

– Да, ничего серьезного. Повернись на спину, пожалуйста, – просит он.

Андрей, сморщившись, без особого энтузиазма выполняет его просьбу.

– Вывих, – выносит вердикт Марк, осмотрев его левую руку.

– За что они тебя так? – со смесью удивления, сочувствия и страха спрашивает Алехандро.

Никто, конечно, не думал, что с ними будут обращаться

по закону, но первая кровь в их компании выживших могла означать дурные вести.

Андрей молчит, из его глотки вырывается лишь едва слышный однократный стон.

Бастиан стучит в стену: хочет попросить что-нибудь ледяное, жгут и обезболивающее. Боевик приходит, как ни странно, быстро. Журналист озвучивает свое требование. Усмехнувшись и заявив, что русский точно ничего не получит, преступник уходит, заперев камеру.

Дэвид, сняв свою футболку, рвет ее и протягивает часть ткани пострадавшему, Андрей засовывает ее в рот, чтобы не прикусить язык и щеки.

– Готов? – спрашивает Марк.

Андрей кивает. Мужчина вправляет вывих. Пострадавший, скривившись, издает оглушающий вопль, Марк накладывает ему повязку из остатков футболки.

– Все, умничка, – подытоживает он дружелюбно, вставая с корточек.

Жульен протягивает Андрею ломтик хлеба, оставшийся с того, что в мирное время назвали бы обедом. Мужчина запикивает еду в рот, вытирая инстинктивно нахлынувшие слезы и дежурно поблагодарив. Дэвид надевает темное худи на голое тело.

– Теперь легче будет, – с полувопросительной интонацией добавляет Дэниэль.

– Да, и мы скоро будем на свободе, – обнадеживает Марк.

– Это вы будете, – поправляет его Андрей, поставив логическое ударение на слове «вы».

– То есть? – Дэвид удивленно вскидывает брови. – За всех заплатят выкуп.

– За меня не заплатят, – Андрей мрачнеет.

Американцев, британцев и представителей некоторых стран зарубежной континентальной Европы сегодня расстреляли, так как их правительства договариваться отказались. Оставшимся пока в живых гражданам других зарубежных европейских государств повезло больше: их власти то ли более сговорчивы, то ли более гуманны. Большинство пленников – журналисты, Марк – врач, а среди погибших есть еще два переводчика и представители других невоенных специальностей.

– Тебя снимали на видео для выкупа? – спрашивает Жульен, присаживаясь рядом с Андреем по-турецки.

– Я в очередной раз отказался от того, чтобы за меня платили деньги, поэтому меня избили. Как вы сможете жить после этого? – повысив голос, мужчина встает. – Понимая, что за эти миллионы долларов они смогут взять в заложники не один, не два и даже не десять школьных автобусов? Зная, что на вашей совести будет кровь и загубленная психика невинных детей? Осознавая, что на эти деньги они купят оружие и боеприпасы?

– Иначе нас сегодня тоже расстреляли бы, – тихо констатирует факт Алехандро.

– А вы не знали, чем все это может закончиться? Кого-то отправили в Сирию под дулом автомата? Угрожали уголовной ответственностью, если откажешься? В мире полно профессий и мест, где можно заработать деньги и реализовываться без риска для жизни. Вы добровольно согласились на работу на горячих точках.

– У меня трехлетняя дочь, – тихо оправдывается Марк, опустив глаза.

– У всех есть близкие, и никто не может и не хочет превращать их жизнь в такой ад, – соглашается Алехандро.

– У тех, кто погибнет из-за вашего малодушия, тоже есть близкие. И в отличие от ваших, они к этому совсем не готовы, – гнет свою линию Андрей.

– Окей, что ты предлагаешь? Радостно пойти на убой всей гурьбой? – недоумевает Паула.

– Что-нибудь придумали бы, а если бы нет, то да, нас бы расстреляли, – тихо признает он. – Зато мы бы не чувствовали себя трусами и предателями.

– А потом в дань уважения о нашем подвиге Голливуд бы сварганил кино, которое незаслуженно выиграло бы в уйме номинаций на Оскар. И что? Что бы это изменило? Мировой терроризм был бы побежден? – скептически рассуждает Алехандро.

– Да, тяжело, да, нам потом жить с этим грузом на сердце, но мы тоже люди. По всем конвенциям мы приравнены к гражданским лицам. Нас нельзя расстреливать без суда

и следствия только потому, что нам не повезло оказаться в плену у террористов, с которыми весь цивилизованный мир борется, – Паула нервно постукивает зубами.

– Ты можешь сам еще все переиграть? – с надеждой спрашивает Бастиан. – Ты пострадал, тебе точно надо на волю.

– Нет, я все для себя решил. Вас я не осуждаю, – добавляет он, немного подумав. – Извините, если был слишком груб, рука просто болит и спину щиплет.

– Не глупи, – просит Дэниэль. – Хотя раз в жизни подумай о себе. В Малакале⁹ ты один троих вынес, рискуя жизнью, в Багдаде Джона спас, в Париже кровь и плазму каждые три месяца сдаешь, хотя мог бы с такой работой просто отдыхать, когда находишься на гражданке.

– Я не могу по-другому, не умею и не хочу, – настаивает на своем Андрей.

Он ложится на правый бок, справа от него, расстелив ветровку на двоих, приземляются Дэниэль и Дэвид. Паула, всхлипывая, отходит от них к своей кофте и садится по-турецки, Алехандро располагается рядом с ней, брюнетка кладет ему голову на колени. Сходив в туалет по-маленькому в ведро, стоящее в дальнем углу камеры, Жульен размещается слева от Андрея. Марк и Бастиан по-немецки обсуждают философию.

– Передать что-нибудь твоим? – спрашивает Дэвид, перейдя на французский.

⁹ Город в Южном Судане

– Я всех люблю, – слабо отзывается он.

– А конкретнее? Мы все запомним, слово в слово, – обещает Дэниэль.

– Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами, – усмехается Андрей. – Лучше я не скажу, по крайней мере, сейчас, сидя три месяца на скудном пайке, но готов подписаться под каждым словом из этого предложения.

– А близким? Может, ты жалеешь о чем-то? Или хотел что-то давно сказать, но не решался много лет кому-то конкретно, а не в паблик? Помнишь, как... – он на доли секунды осекается, – ребята вчера здесь письма надиктовывали? – уточняет Жульен, тяжело вздохнув.

– Нет, ничего такого, я не знаю.

– Ладно, если что-то вспомнишь или надумаешь, говори, – Дэвид выпивает немного воды из пластиковой литровой бутылки.

Слышится звук открывающегося замка, пленники вскакивают и прижимаются лицом к стене, зажав руки за спиной. Боевики надевают на правую руку Андрея наручник и собираются его выводить; мужчина пытается что-то прошептать, украдкой косясь на французов, но надзиратели, заметив несанкционированные разговоры, ударяют его дубинкой в живот. Согнувшись от боли пополам, Андрей замолкает. Обратного его приводят минут через двадцать. Учащенно дыша, он ложится на правый бок, к нему подходит Марк:

– Ты как?

– В порядке.

– На спину ляг и живот покажи, пожалуйста, – просит мужчина.

– Мне до спины не дотронуться, – сжимая губы, бормочет Андрей.

– У тебя на спине обычные гематомы, а на животе может быть закрытая травма. Повернись, пожалуйста.

Сморщившись, Андрей переворачивается на спину фиолетово-багрового цвета.

– Больно? – Марк осторожно притрагивается к его животу.

– Нет, – кривит душой пострадавший.

– Тебе в больницу надо.

– Я бы на твоём месте вообще помалкивал, нацист передетый! – вспыхивает Андрей. — Твои предки на все соглашались: и в гитлерюгенд¹⁰ побежали в первых рядах, и в партию, но тебя такого якобы белого и пушистого допустили, несмотря на это, на приличную работу.

– Двоюродные внуки должны отвечать за поступки дедов?

– Ничего ты не должен, но и учить меня жизни не должен и не имеешь морального права.

– Предки Бастиана укрывали евреев в подвалах, – вмешивается Дэвид.

– А я сейчас не с Бастианом разговариваю, – возмущается Андрей. – К нему у меня нет претензий, а Марк фотографии

¹⁰ Молодёжная организация НСДАП, обе организации запрещены с 1945 года.

со своим родственником до сих пор выкладывает. Не стыдно?

– Я выложил одну фотографию в закрытом профиле с престарелым мужчиной, отсидевшим свой срок в тюрьме. Он раскаялся, он уже давно не нацист, он оступился, он был тогда совсем молодым, он школу окончил при Гитлере, ему запудрили мозги, и ты сам это прекрасно знаешь, – объясняет Марк.

– В чем конкретно Марк виноват? – спрашивает Дэниэль.

– Пить хочу, – игнорируя вопрос коллеги, просит Андрей.

Дэвид протягивает ему бутылку, в которой оставалось почти пол-литра воды, мужчина с жадностью все выпивает.

– Еще, пожалуйста, – умоляет он.

Марк протягивает ему другую бутылку, в которой воды меньше четверти, Андрей опустошает и ее.

– Еще, – бормочет он тихо.

– Нет больше, – оправдывается Дэниэль. – Завтра утром принесут, надеюсь.

– Паула, дай, пожалуйста, – просит Бастиан, заметив, что у нее в бутылке еще что-то осталось.

– Ты предлагаешь нас совсем без воды оставить? – негодует Алехандро, сидящий рядом с девушкой.

– Ему плохо. Андрей никогда бы не стал просить, если бы мог вынести без нее. Тебе жалко?

– А если завтра ничего никому не принесут? – спрашивает Алехандро.

– Принесут, каждый день приносили, – уверяет Дэвид.

Паула, слегка колеблясь, протягивает им бутылку, в которой воды осталось меньше четверти. Андрей делает один глоток и откладывает ее.

– Обратно отдавайте, – требует Алехандро.

Андрей протягивает руку с бутылкой, Алехандро, подходя к нему, резко выхватывает ее.

– Серьезно? – недоумевает Дэниэль.

– Так уж и быть, возможно, дам ему утром, а то он все сразу выпьет и останется точно ни с чем, – поясняет Алехандро, присаживаясь рядом с девушкой.

– В туалет хочу, – с мольбой в глазах просит Андрей, посмотрев на Дэниэля.

Опершись на мужчину с правой стороны, он ковыляет до ведра. Дэниэль отворачивается, Андрей ходит по-маленькому.

Они возвращаются на толстовку и ветровку, вскоре все засыпают. В середине ночи Андрей открывает глаза и тормошит Дэниэля:

– Проводи в туалет, пожалуйста, – просит он смущенным шепотом.

Андрей облакачивается об него и доходит до ведра. Когда они возвращаются, Дэвид поднимает голову.

– Я Жанну люблю и всегда любил, кажется. Еще с 98 года. Скажите ей это, если я умру, буду в плену или без сознания дольше года, – тихо просит Андрей, посмотрев на обоих

мужчин.

– Ок. Что-нибудь еще передать? – спрашивает Дэвид.

– Она лучшее, что было в моей жизни, и я очень жалею, что мы никогда с ней толком не встречались.

– Совсем? – спрашивает Дэниэль.

– Один раз целовались перед первой командировкой в Багдад, – поясняет Андрей.

– Она не любит тебя?

– Любит. Любила раньше. Раньше точно любила, сейчас – не знаю. Она всегда знала, что я могу погибнуть, она готова к этому. Теоретически точно, – он сжимает губы, всхлипывая. – Перед Марком извинитесь, я на эмоциях на него наехал.

– Ок, он понимает.

Ближе к утру боевики врываются в камеру; протирая глаза, пленные прижимаются лицом к стене, сжав руки на спине. Террористы подходят к Андрею, резко хватают его за плечо и норовят стащить с него импровизированную повязку.

– Пожалуйста, не трогайте, – умоляет он, визжа от боли.

Боевики резко выкручивают его руки за спину и сцепляют их наручниками. Дэвид разворачивается лицом к боевикам, но получает от них удар дубинкой в живот. Скрючившись, он через доли секунд поворачивается лицом к стене.

– Ты лучший, ты выкарабкаешься, – смотря в стену, говорит Дэниэль на французском и сразу же получает удар в

спину от второго боевика.

Террористы уходят, волоча за собой Андрея, который еле переставляет ноги, камера закрывается. Через полчаса им приносят вскрытую коробку с гуманитарной помощью и канистры с водой. Пленные достают оттуда медикаменты, базовые средства личной гигиены (бритв и маникюрных ножниц, конечно, нет), сэндвичи и пирожки. Марк дает пострадавшим обезболивающие и обрабатывает их раны.

– Кого-то убивают, а кому-то раздают десерты, – задумчиво произносит Бастиан, рассматривая слишком щедрый по нынешним временам паек.

– Если сам не будешь, мне дай, – просит Алехандро, откусывая от сэндвича.

– Обойдешься, лучше ребятам отдам, – он показывает взглядом в сторону потерпевших.

– Чего вы все так убиваетесь? Наверняка у Андрея есть план, просто он нам его не рассказал, – предполагает Алехандро.

– Какой, интересно? – критически прыскает Паула.

– Сбежит или его русские штурмом освободят, – говорит Алехандро. – Наверняка он обо всем договорился, останется единственный в белом пальто, весь такой типа принципиальный мученик.

– Как он сбежит? О чем договорился? С кем? Когда? Ты его вообще видел? – недоумевает Жульен, доедая сэндвич. – Он до ведра дойти не мог, и еще неизвестно, что с ним потом

сделают. А русских в этом районе нет. И никого нет, поэтому мы и сидим здесь в полной жопе.

– Сегодня нет, завтра есть. У них меньше бюрократии, пока мы раскочегаримся, они уже весь регион под контроль Асада вернут.

– Нет у него никакого плана, просто человек не ссыкло, – говорит Дэниэль тихо, лежа на животе.

Издали доносится истошный вопль Андрея, он кричит что-то на арабском, поэтому никто из коллег, не владеющих языком в совершенстве, ничего не понимает.

Андрей просыпается от холода, пробирающего до самых костей, и орущей на всю округу музыки, но глаза открывать не торопится: надеется понежиться еще, но, похоже, его соседи считают, что правила писаны не для них. Он готов биться об заклад, что еще нет шести утра, а значит, по кодексу их многоквартирного дома положено вести себя потише. Чуть вслушавшись в слова, он осознает, что играет гимн Соединенных Штатов Америки.

– Если они такие америкофилы, то могли бы приобрести наушники, – инстинктивно думает он, от болевого шока и спросонья подзабыв, где он и что с ним происходит.

В нижнем ряду справа ноет зуб, предательски возвращая мужчину в безрадостную реальность, где даже самый примитивный уход за полостью рта – роскошь, доступная только избранным. Воняет тинной, потом, железом, и издали

он улавливает едва ощутимый запах гари. Попытавшись на-прячь разум, который спешит на больничный, Андрей, наконец, отчетливо вспоминает, как его привезли сюда на машине с завязанными глазами и что было потом.

Прежде чем оставить его в этой одиночной камере, его избили, обвинив в пытках в Гуантанамо¹¹ и в пособничестве неверным. Ну, как обвинили... Юридически никакого суда, конечно, не было, государство же вовсе не государство, но в темницу его уволокли за это. С первым пунктом обвинения он категорически не согласен. Он против наказаний, унижающих человеческое достоинство. Более того, его коллеги открыто осуждали творившийся там беспредел и даже выпускали расследования на этот счет. А насчет второго – конечно, сообщник. Во-первых, не мусульманин, во-вторых, считает их самодеятельность террористическим квазигосударством.

Пленник вспоминает, что их было двое. Оба в куфии¹² и с бородой. Первый араб моложе, выше ростом и говорил с заметным британским акцентом, второй – коренастый средних лет и с оружием в руках – идеально изъяснялся на сирийском диалекте. Должно быть, местный. Андрею тогда подумалось, что первый родился в Великобритании или переехал туда совсем маленьким. Стало искренне жаль его ро-

¹¹ Лагерь для лиц, обвиняемых властями США в терроризме, ведении войны на стороне противника и др. Находится на бессрочно арендуемой США военноморской базе в заливе Гуантанамо (Куба).

¹² Мужской платок, который носят арабы для защиты головы и лица от солнца, песка и холода.

дителей или более дальних предков, которые эмигрировали. Они собрали уйму справок, наверняка жертвовали многим, чтобы обеспечить ребенку счастливое детство, а тот вырос и выбрал Сатану. Лучше бы вкладывались в предотвращение радикализации молодежи и борьбу с исламофобией, чем содержали королеву и ее многочисленное семейство. Империи, пусть даже конституционные, Андрей всегда недолюбливал: его бесило, что все равны, но некоторые равнее. Британский террорист говорил из рук вон плохо. Немудрено, что с таким уровнем арабского он не уяснил, что написано в священном писании мусульман. Надо было изучать Коран в переводе, раз лингвистические способности подкачали.

С помощью наручников они пристегнули Андрея к цепи, которая была закреплена на потолке, подвесив пленника так, что только кончики пальцев его обнаженных ступней дотягивались до пола. Затем избили по спине то ли палкой, то ли дубинкой, периодически сменяя друг друга. После этого они засунули его внутрь автомобильной шины, и досталось его ступням. После экзекуции заложника, находящегося в полубморочном состоянии, переместили и приковали наружниками к железному крюку на стене таким образом, чтобы он располагался лицом к стене, и ушли, заперев камеру.

Так он и проснулся, не понимая, сколько времени прошло с того момента, как отрубился. Он по-прежнему стоит на коленях на бетонном полу, пристегнутый наружниками к крюку. Металлические оковы так сильно зажимают его запястья,

что он не может сдвинуть их даже на миллиметр. Впиваются в руки мертвой хваткой. Он пытается лечь на живот или сесть на корточки, но дискомфорт от наручников становится невыносимым, тогда он повисает на них и большую часть времени мучается на коленях – тогда не очень давит на руки. Повернуться спиной к стене и сесть не получается. Стоять он мог бы, оковы это позволяют, но на ступнях нет живого места. Андрей мысленно пытается отрезать их – после экзекуции они все в колдобинах и в соусе из красного вина; музыка нон-стоп оглушает и бьет по голове чуть ли не как взрывная волна; спина – паутина из кожи на ней горит и щиплет так, словно его окунули в бочку для сжигания мусора; запястья стали одного цвета с аконит, а о левой руке даже вспоминать больно.

Гимн США сменяет какая-то англоязычная попса, с которой пленник не знаком. Затем гремит что-то из тяжелого рока, опять на английском.

«Почему они не продвигают свою культуру? У них же есть замечательные нашивы¹³», – удивляется Андрей.

Теперь орет Wind of Change. Вообще-то это одна из его любимых песен, так что он ни за что не поверит, что она может звучать так бездарно, как сейчас. Должно быть у него самого уже просто поехала крыша.

Несмотря на острую боль, которая затуманивает его моз-

¹³ Мусульманское песнопение, традиционно исполняемое мужским вокалом соло или в хоре без сопровождения музыкальных инструментов.

ги, он еще вполне ясно осознает происходящее, очень хочется есть. Он пытается подбадривать самого себя, ведь если чувство голода еще не притупилось, значит, есть шансы на выживание и спасение. Иногда ему кажется, что он проспал в этой одиночной камере целую вечность, но организм врать не будет: судя по всему, прошло не больше дня, максимум двух-трех. Первым делом, несмотря на утопичность этой идеи, Андрей планирует избавиться от наручников, стараясь вырвать бегунок молнии на джинсах пальцами ног. Не выходит, только еще больше потревожил раны. Через несколько минут он с недоумением замечает, что с неба повалили такие непривычные для этих краев белые хлопья, давшие надежду и открывшие второе дыхание. Андрей увидел это чудо природы боковым зрением через стеклопакет и решетку: медленно кружась, снег падал на землю, давая понять, что еще все возможно, а потому заложник предпринял еще одну робкую попытку. Вхолостую. А ведь счастье было так близко. Очевидно, тонкий и моментально тающий, но все-таки слой живой перины, он мог спасти ему жизнь, если бы пленник сейчас выпрыгнул из окна. Из окна, до которого в нынешней ситуации было как до Луны пешком. По прошествии получаса снегопад прекратился.

Через несколько дней попытка шумом закончилась. Возможно, у них сломалась аппаратура, а может, Андрей просто уже окончательно сошел с ума и не замечает грохота и ора, раздающегося по всей камере. Чувство голода притупи-

лось, но темнеет в глазах, и в боевиках, которые еду ему не дают, но раз в день кидают пластиковую бутылку с водой, он различает теперь только силуэты. Нужду он справляет в пластиковое ведро, кое-как пододвигая его к себе ногами. В довершение всех бед Андрею становится дико и перманентно холодно: кончики его пальцев давно посинели, сам пленник постоянно дрожит, и из-за неудобного положения он не может даже символически согреть себя.

Эмма бросила Андрея сразу. На встречи с представителями ведомства, ответственного за их спасение, она не приходила. Жанна сначала думала, что ей просто тяжело, случайно встретила ее в городе и хотела подбодрить, но девушка гуляла с новым парнем. Она смеялась вовсю, так ее разве-селила какая-то шутка очередного ухажера, поэтому Жанна еле удержалась от того, чтобы ударить ее.

Парень Жанны сначала пытался ее поддерживать и в первый месяц даже приходил на встречи с бюрократами и ждал ее внизу в машине, чтобы она не возвращалась одна. Один раз она видела, что он украдкой даже прослезился, хотя с Андреем был знаком плохо. Но через три месяца, когда стало известно, что конкретно этот заложник, похоже, собрался строить из себя мученика, парень Жанны заявил, что она не должна изводить себя. Дескать, это его выбор и теперь виноват в этом только он. Ему была предложена помощь, а если его что-то не устраивает, то ему надо к психиатру. Они по-

ругались и расстались. Через неделю женщине померещил-ся в собственной квартире самый страшный волшебник всех времен и народов, и она принялась его убивать палочкой из суши, применяя магические заклинания. После этого ее родители настояли на том, чтобы она переселилась к ним.

Когда в город прилетели французские журналисты, за которых заплатили выкуп, собранный спонсорами и переданный террористам при посредничестве неофициальных переговорщиков, Жанна узнала, что там – предположительно на севере Сирии, но точное место их нахождения неизвестно, так как всех выживших заложников отвозили от места заключения до границы с Турцией с завязанными глазами в кузовах грузовиков – Андрея куда-то одного уволокли, и они слышали, как он истошно вопил.

Единственной зацепкой стала предсмертная записка одного из террористов, который, разочаровавшись в их идеалах, сбежал в Турцию и совершил попытку суицида. По его словам, Андрея и еще пятерых иностранных врачей (их имена и фамилии были так же обозначены), обвиняемых якобы в убийстве мусульман, держат в здании бывшей психлечебницы. Но психбольница на территории, контролируемой боевиками, далеко не одна. В послании предположительно был указан город, но к тому моменту, когда оно было передано экспертам, эту часть листа, ознакомившись с текстом записки, уже разорвал в негодование на мельчайшие кусочки сотрудник скорой помощи, которого вызвали свидетели, обна-

ружившие, что суицидник-террорист жив. Преступника, получившего от вспыльчивого медика еще черепно-мозговую травму – врач сам признался в содеянном, объяснив, что не смог удержаться, когда прочитал записку – увезли в реанимацию, и пока он находится в коме. По словам врачей, террорист, возможно, придет в себя через несколько недель и тогда сможет дать показания. Поскольку медлить было нельзя, перед военными поставили задачу проверить все психбольницы региона. Но ни в одной из тех, что они успели пока обследовать, ни каких-либо заложников, ни чьих-либо волос или крови, обнаружено не было.

Кажется, на семнадцатый день одиночного заключения высокий боевик, тот, что был старшим, ворвавшись с напарником в камеру Андрея, разъяренно отвесил ему удар дубинкой в область груди, а затем принялся с упоением избивать его ногами. Удостоверившись в том, что заложник не подает признаков жизни, он снял с него наручники и оставил лежать на холодном бетонном полу. Поймав удивленный взгляд молодого сообщника, террорист пояснил, что не хватает наручников, а этот уже не сбежит: слишком слаб. Молодой с легкой толикой скептицизма проверил окно и для пущей надежности ударил Андрея своей дубинкой со всей силы в живот. Пленник не шевельнулся и не издал ни звука.

– Добить его? – молодой террорист зловеще поднял свое оружие над головой узника, но на самоуправство не осмелил-

ся.

Старший гаркнул на него и приказал оставить все, как есть, добавив, что завтра заключенному публично отрежут голову.

Когда они ушли, заперев камеру, Андрей, который все это время притворялся, что потерял сознание, скрючившись, подполз к окну. Словно в замедленном кино встал. С трудом, но все же смог удержаться на ногах в полусогнутом виде, хотя его качало, как пьяного. Он взглянул на отсутствующие ручки в окне и без особой веры в успех засунул указательный палец в место установки фурнитуры. Хаотично покрутил по часовой и против часовой стрелки. Бесполезно, кто бы сомневался.

В его ватной голове пробуждались нечеткие воспоминания и инструкции по выживанию, которые он изучал на практикумах для журналистов, работающих в горячих точках. Все отчетливее Андрей слышал слова тренера: «Есть минимум шестнадцать способов открыть окно, если нет ручки...»

На всякий случай – чем черт не шутит – пленник потереянно оглядел почти пустую камеру: в нее не завезли ни отвертку, ни линейку. Даже плинтус не установили. Узник с грустью взглянул на металлический крюк на стене, к которому он был раньше прикован. Осознал, что он слишком широкий, но, тяжело дыша, все-таки добрал до него и несколько минут пытался вырвать: тщетно.

После слов о загадочных шестнадцати способах выбраться из окна в его памяти наступил белый шум. Как бы ни старался, Андрей не мог припомнить ни одного метода, кроме того, чтобы разбить окно, но тогда велик риск пораниться осколками, слишком громко, а снаружи еще ждет решетка.

Кажется, с того тренинга на ум приходили только общеизвестные истины типа «Не паникуйте». Поймав себя на мысли, что дверь он еще не проверял, он доковылял до выхода: заперто. Андрей вернулся к окну, поднял голову, держась за стену, так как из-за головокружения боялся упасть в голодный обморок, и бросил взгляд на фрамугу: на ней вообще не предполагались ручки.

Пленник попытался теперь уже руками вырвать бегунок из молнии джинсов, но не удалось: плохо работающие фаланги предательски скользили по металлу и даже на маломальский рывок не хватало то ли сил, то ли координации движений. Каждый миллиметр его исхудавшего тела саднило, живот сводило от тупой боли, в груди колело, спина и шея хрустели, голова, которая сейчас, как никогда, должна была играть роль бойкого процессора, отказывалась выходить на связь с монитором, клавиатурой и мышью, а периодически он и вовсе на доли секунды полностью выпадал из реальности. Когда сознание возвращалось к нему, мир представлялся изуродованным оранжево-красным пламенем, хотя Андрей еще четко понимал, что это только галлюцинации, а не пожар. Огни напоминали неискusstный, а потому хорошо

различаемый фотошоп, но от отчаяния и понимания того, что с каждым часом бездействия будет только хуже, на глаза выступили слезы.

От безысходности он собрался разбить стекло, сочтя, что попытка не пытка, а в противном случае самое страшное неизбежно, но вокруг него все резко закружилось, и пленник чуть не рухнул на пол с высоты своего роста. От греха подальше он медленно лег, свернувшись калачиком. Какое-то время он уповал только на то, что смерть будет быстрой и не такой страшной, как все, что было до нее.

Вдруг держатель жалюзи в дальнем левом углу помещения, очевидно, закрепленный на честном слове, с предательским шумом упал на пол, уводя с собой рулонные шторы такого же цвета, что и штукатурка на стене. Видимо поэтому пленник, толком не исследовавший помещение, его раньше не замечал. Взору Андрея открылся неширокий одностворчатый и высокий, ростом с заложника, стеклопакет. С ручкой. Не веря своему счастью, узник, еле передвигая конечностями, но с блеском от слез в глазах, дополз до окна. Встав, придерживаясь за стену, он повернул ручку – она поддалась. Распахнул окно. Повеяло холодом. Поеживаясь и переминаясь с ноги на ногу, Андрей растер ладони, тщетно пытаясь согреться. Мельком кинув взгляд на свое тело, он вспомнил, что одет чудовищно легко даже для Ближнего Востока: в частично порванную и во многих местах прохудившуюся футболку. Кто же знал, что осенняя командировка в Сирию за-

тянется так надолго.

Снаружи была установлена металлическая решетка, но один из прутьев сломан, так что между ними зияла дыра шириной сантиметров двадцать пять. Превозмогая головокружение, Андрей осторожно глянул вниз: до грунтовой дороги с огромными выбоинами метров восемь, кажется, там три этажа, но балконов не было. Встав боком и сжавшись изо всех сил, он протиснул туловище и голову в дырку между прутьями, придерживаясь руками за решетку. Тело его не очень слушалось, зрение подводило, но увидев воочию способ спасения и будучи на полпути к победе, он приободрился и, кажется, даже почувствовал себя лучше. Сейчас он свято верил в то, что выпрыгнуть он бы смог, в крайнем случае, сломал бы ноги и, возможно, их потом пришлось бы ампутировать, но с протезами можно жить вполне неплохо. Его нижние конечности еще стояли внутри на подоконнике, так как снаружи откос был слишком узким. Через несколько секунд в глазах потемнело, и Андрей стал подумывать о том, чтобы дождаться лучшего момента, так как счел себя слишком слабым для такого прыжка, но издали, наверное, из коридора, слышались чьи-то приближающиеся шаги. Судя по всему, боевики открыли дверь другой камеры, и времени на раздумья оставалось все меньше, поэтому пленник, больше не раздумывая, шагнул на улицу. Температура воздуха казалась терпимой: ветровка бы не помешала, но ни о каком обморожении не могло быть и речи. Стоя на одной ноге

на узком откосе (двумя он там не помещался) мужчина согнулся и, повиснув на правой руке (левая была вывихнута и очень болела), приготовился к прыжку, но не удержавшись, сорвался вниз. Находясь между жизнью и смертью, Андрей успел согнуть ноги в коленях и обхватить голову руками. Он приземлился на нижние конечности, но по инерции перекатился на спину, истошно завопив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.